

История рождаемости в России: от поколения к поколению

Сергей Владимирович Захаров
(szakharov@hse.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.
Институт демографических исследований
Страсбургского Университета, Франция.

The history of fertility in Russia: from generation to generation

Sergei Zakharov
(szakharov@hse.ru), HSE University,
Russia.
Institute for Demographic Research,
University of Strasbourg, France.

Резюме: В статье представлены результаты многолетних демографических исследований автора в области реконструкции исторической эволюции уровня рождаемости в России с начала демографического перехода и по настоящее время. Опираясь на авторские оценки непрерывных рядов показателей итоговой рождаемости для условных и реальных поколений, полученных прямыми и косвенными методами с использованием элементов моделирования, автор определяет периодизацию ее динамики, комментирует ключевые моменты в ее истории. В статье впервые автор публикует для России полные ежегодные оценки коэффициента суммарной рождаемости с 1897 по 2021 г. и коэффициента итоговой рождаемости для поколений женщин 1841-1991 годов рождения.

Ключевые слова: история России, демографический переход, рождаемость, показатель итоговой рождаемости для условных и реальных поколений.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Программы Фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Захаров С.В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению. Демографическое обозрение, 10(1), 4-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>

Abstract: The article presents the results of the author's demographic research in the field of reconstruction of the historical evolution of total fertility in Russia from the beginning of the Demographic Transition to the present. Based on the author's estimates of continuous historic series of period and cohort total fertility indicators, obtained by direct and indirect methods using modeling elements, the author determines the periodization of its dynamics and comments on key moments in its history. In the article, for the first time, the author publishes for Russia complete, annual estimates of the period total fertility rate from 1897 to 2021, and the cohort total fertility rate for women born in 1841-1991.

Keywords: history of Russia, demographic transition, fertility, period and cohort total fertility rate.

Funding: The study was supported by the Basic Research Program of the HSE University.

For citation: Zakharov S. (2023). The history of births in Russia: from generation to generation. Demographic Review, 10(1), 4-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>

*Посвящается светлой памяти Анатолия Григорьевича Вишневого,
который более трех десятилетий вдохновлял
и поддерживал мои опыты в исследовании
истории рождаемости в России.*

Введение

Россия вошла в XX столетие с очень высокой общей, но с очень низкой эффективной рождаемостью. А с точки зрения демографического и, тем более, социально-экономического воспроизводства общества важна именно эффективная рождаемость, которая характеризуется не просто числом рожденных детей, но и тем, сколько людей из числа рожденных выживают, социализируются, участвуют в экономической жизни, становятся взрослыми и приходят на смену своим родителям. Дети, умершие в младенчестве или на подступах к взрослой жизни, с демографической и социально-экономической точек зрения – неоправданная растрата воспроизводственного потенциала человеческой популяции. Напротив, дети по мере их дожития до некоторых социально определенных возрастных порогов становятся все более ценным капиталом для общества и семьи.

Чем в большей степени число детей, достигающих совершеннолетия, возраста вступления в брак и родительства, отличается от общего числа рожденных детей, тем ниже демографическая и социальная эффективность рождаемости и экономичность режима воспроизводства населения в целом. Чем выше смертность детей, тем при той же социальной норме детности семьи более высокой должна быть величина компенсаторной составляющей рождаемости, а следовательно, и рождаемость в целом. Снижение детской смертности – важнейший пусковой механизм модернизации всего процесса воспроизводства населения. Сближение общей и эффективной рождаемости, с одной стороны – свидетельство роста этой эффективности, показатель демографического прогресса, достигаемого в ходе модернизационных перемен, а с другой стороны – объективная основа значительного снижения рождаемости, усиления внутрисемейного контроля рождаемости, произошедшего в ходе первого демографического перехода, т. е. перехода к современному режиму воспроизводства населения, в котором темпы роста населения в ничтожной степени зависят от ранней смертности людей.

Переход к низкой рождаемости, порог которой условно можно определить как 2,2 ребенка на одну женщину ¹, во Франции занял около 120 лет. Но другие страны двигались по уже проторенному пути, и в них переход занял вдвое меньше времени. Потребовалось два материнских поколения (40-60 календарных лет), чтобы достигнуть низкой рождаемости в странах Северной и Западной Европы, в США и Канаде (Австрия уложилась даже в 30 лет – период смены одного женского поколения), и три (70-90 лет) – в странах Южной и Восточной Европы. Япония вступила на путь снижения рождаемости сравнительно поздно – в 1930-х годах и вначале двигалась по нему довольно медленно. Но в послевоенный период она продемонстрировала очень быстрое снижение рождаемости, так что в целом японский переход продолжался примерно три-четыре десятилетия (Захаров 2006а: 158).

¹ Гарантированный уровень обеспечения режима простого воспроизводства населения при коэффициенте младенческой смертности 25 и ниже на 1000 живорожденных.

Несмотря на то, что исходный, «домодернизационный» уровень рождаемости в России был существенно выше (более 7 рождений на одну женщину за всю ее жизнь), чем в большинстве стран Европы, Северной Америки и Японии (5-6 рождений), хронология российского перехода к низкой рождаемости и его продолжительность отнюдь не выглядят чем-то особенным на общем фоне (Захаров 2006а: 159).

Модернизация демографической системы в России произошла за пять-шесть десятилетий, и она сопровождалась известной серией катаклизмов социальной этиологии первой половины XX века, что заставляло людей на массовом уровне адаптировать репродуктивное поведение к меняющейся экономической и социально-политической реальности и, соответственно, вынужденно модифицировать календарь наступления событий в своей жизни. Быстрое распространение абортной практики в России в решающей степени объясняется именно необходимостью контроля рождаемости в постоянно воспроизводимой ситуации общей неопределенности.

В качестве ключевых критериев завершенности переходных процессов применительно к количественным характеристикам рождаемости выступают близость показателей итоговой рождаемости в «материнских» и «дочерних» поколениях и достижение слабоасимметричного статистического распределения женщин по итоговому числу рожденных детей с модой, равной 2 детям на одну женщину к возрасту 50 лет.

Дальнейшая эволюция рождаемости в России, как и в других развитых и быстро развивающихся странах, в меньшей степени связана с изменениями собственно в уровне рождаемости и в большей степени касается структурных преобразований. Современный этап развития, который принято называть вторым демографическим переходом, заключается в отходе от одной стандартной, унифицированной модели рождаемости в сторону расширения многообразия паттернов формирования семьи, деторождения и индивидуализации выбора индивида в построении репродуктивных планов и их реализаций.

Главное содержание второго демографического перехода состоит в переходе от практики ограничения размеров потомства к оптимизации всего временного пространства демографических событий и жизненного цикла в целом в ответ на вхождение общества в постиндустриальную фазу развития (Lesthaeghe 1991; 2014; 2020; Zakharov, Ivanova 1996; Захаров 2002; 2005; Zakharov 2008).

Под вторым демографическим переходом нередко понимают простой переход от господствующей сегодня модели двухдетной семьи к модели семьи с одним ребенком (или даже к массовой бездетности). Такая трактовка новейших тенденций не только упрощает ситуацию, но может оказаться и просто ошибочной в долгосрочной перспективе.

На уровне демографических индикаторов второй демографический переход проявляет себя в виде увеличения возраста заключения брака и материнства, увеличения вариативности интервалов между родами, повышения роли рождаемости вне официального брака, увеличения доли людей, никогда не вступавших в зарегистрированный брак и не имевших ни одного ребенка. Традиционная слитность трех видов поведения: сексуального, матримониального и репродуктивного – окончательно уходит в прошлое.

Переход в новую фазу эволюции рождаемости в странах Запада начался в конце 1960-х – начале 1970-х годов в точном соответствии с началом нового этапа общественного развития. Россия, как и страны бывшего Восточного блока, вступила на путь второго демографического перехода на два-три десятилетия позже (в конце 1980-х – начале 1990-х годов) и, естественно, находится сегодня на менее продвинутых стадиях этого процесса, хотя очевидно и то, что сближение «отстающих» стран, в том числе и России, с «передовыми» странами в процессе трансформации модели рождаемости происходит весьма интенсивно.

С целью изучения долговременных процессов эволюции рождаемости наиболее методологически корректным демографическим подходом является одновременное рассмотрение изменений на основе показателей рождаемости для реальных поколений (женщин по году их рождения) и показателей для условных поколений (для календарных лет). Концентрируя внимание на анализе первых, мы получаем картину наиболее принципиальных, исторических тенденций в рождаемости, что в полной мере соответствует классическому демографическому пониманию процесса воспроизводства населения как процесса смены поколений. Рассматривая траектории вторых, мы делаем акцент на исследовании влияния специфических условий того или иного исторического периода на темпы воспроизводственных процессов. Подход к итоговой рождаемости с позиций реальных поколений измеряет накопленный результат деторождения за весь репродуктивный период среднестатистического человека (женщины), а второй подход дает оценку потенциального итогового результата репродуктивной активности среднего человека (женщины), ожидаемого при условии неизменности, неопределенно долгой воспроизводимости текущих условий. Так, оба подхода (иногда называемыми «продольным» и «поперечным»), дополняя друг друга, помогают демографам глубже разобраться в сути происходящих изменений, отделить долговременные тенденции под влиянием фундаментальных социальных перемен в обществе от действия более конъюнктурных, преходящих влияний и специфических условий ².

К сожалению, отечественная демография не может похвастаться большим множеством исследований рождаемости, основанных на одновременном использовании характеристик для реальных и условных поколений. Показатели итоговой рождаемости для условных поколений появились до Второй мировой войны и в зарубежной практике, и в российской. До сих пор подавляющая часть научных и публицистических работ на тему рождаемости в основном оперирует коэффициентом суммарной рождаемости (КСР) для условных поколений, оценку которого легче получить по данным ежегодного учета. Этот показатель даже был выбран в качестве целевого для современной российской государственной политики в сфере семьи и демографии. В то же время интерпретировать его величину и динамику бывает на практике гораздо сложнее, чем показателя итоговой рождаемости реального поколения, о чем недостаточно известно за пределами профессионального демографического сообщества (Соботка, Луц 2011).

² Эвристическая ценность обоих подходов с указанием проблемных моментов практического их использования хорошо изложена в классических книгах, посвященных данной теме (Сифман 1972; 1974). Правда, для современного восприятия текста полувековой давности читателям настоятельно рекомендуем во время чтения заменять про себя термин «плодовитость», используемый в то время в демографической науке, на «рождаемость». В современной глоссарии русскоговорящих демографов под плодовитостью понимается биологическая способность к деторождению, реализуемая через рождаемость.

Первой отечественной работой, давшей оценки итоговой рождаемости реальных женских поколений по данным украинской текущей статистики регистрации рождений, была статья В.С. Стешенко (Стешенко 1966). Первые оценки рождаемости поколений советских женщин на основе выборочного исследования были выполнены Р.И. Сифман на данных Всесоюзного исследования ЦСУ СССР 1960 г. (Сифман 1970). Она же впервые в отечественной практике провела детальный анализ изменений характеристик рождаемости одновременно для реальных и условных поколений, также отталкиваясь от данных обследования 1960 г. (Сифман 1974). В последующем коллеги Р.И. Сифман по Отделу демографии НИУ ЦСУ СССР Е.М. Андреев, В.С. Белова, А.Г. Вишневский, Л.Е. Дарский, Г.А. Бондарская и другие на протяжении более двух десятилетий использовали данные регулярных выборочных опросов населения ЦСУ СССР для последовательного мониторинга и прогнозов изменений общей и брачной рождаемости женских поколений. Дополнительные возможности для изучения рождаемости реальных поколений на базе крупномасштабных опросов дали всеобщие переписи населения 1979, 1989 г., микропереписи 1985, 1994 г., содержащие в программе вопросы для женщин о числе рожденных детей. Здесь следует упомянуть особо ценное когортное исследование истории рождаемости в России С. Щербова и Х. Ван Виайнена, выполненные на основе специальной разработки базы данных микропереписи 1994 г. (Scherbov, VanVianen 1999a; 1999b; 2001). Подробнее о характере данных наиболее крупных выборочных исследований и полученных результатах см.: (Вишневский, Волков 1983; Белова, Бондарская, Дарский 1988; Darsky 1994; Захаров 2007a). Последующие Всероссийские переписи населения 2002, 2010 г., микроперепись 2015 г. дали новые материалы для исследований изменений в рождаемости реальных поколений, в том числе под влиянием стимулирующей политики государства (см., к примеру, (Андреев, Захаров 2017; Захаров 2018)).

Первые оценки рождаемости реальных поколений для территории Российской Федерации (наряду со всеми республиками СССР), основанные на данных текущего учета рождений, были выполнены коллективом под руководством А.Г. Вишневого (Вишневский и др. 1988). В рамках целого ряда научных проектов, в том числе международных, автор данной статьи продолжил когортные исследования рождаемости с использованием всех имеющихся источников и типов данных: переписей населения, текущего учета населения, наиболее крупных и надежных выборочных исследований (Adametz, Blum, Zakharov 1994; Блюм, Захаров 1997; Zakharov 1999; 2008; 2016; Захаров 2003; 2006a; 2006b; 2007b; 2019; Frejka, Zakharov 2012; 2013; Фрейка, Захаров 2014).

С 2005 г. Росстат ежегодно разрабатывает статистическую форму текущей регистрации рождений, содержащую распределение числа рождений в зарегистрированном браке по году регистрации брака. При этом очередность рождения не учитывается, так как принято принимать во внимание биологический порядок рождений у матери, а не очередность в текущем браке. Таким образом, специалисты получили дополнительную возможность изучать изменения рождаемости в брачных когортах на основе данных текущей статистики, которой они уже пользуются для отслеживания изменений в календаре брачных рождений (см., к примеру, (Архангельский 2020)). Ранее рождаемость в брачных когортах изучалась только по данным выборочных опросов женщин, в том числе в рамках переписей и микропереписей (Дарский 1972; Сифман 1974; Darsky 1994; Бондарская 1999).

В 2009 г. становится достоянием исследователей международная база данных о рождаемости «Human Fertility Database» (HFD), которая является постоянно действующим совместным проектом Института демографических исследований им. М. Планка (г. Росток, Германия) и Венского института демографии Австрийской академии наук. С научно-методологической и организационной стороны проект курируют ведущие мировые эксперты в области демографии и демографической статистики. На начало 2023 г. в HFD содержалась детальная информация о рождаемости в разрезе возраста, года рождения матерей и очередности рождения в 38 странах мира. Эта база данных сегодня является наиболее совершенным в методологическом смысле источником данных для сравнительного исторического и международного анализа. Исходная информация (абсолютные числа рождений в разрезе однолетних возрастных групп/однолетних когорт по году рождения матерей и очередности рождения) поступает от национальных статистических агентств на основе прямых соглашений. Далее данные проходят углубленную проверку на качество, стандартизируются и унифицируются в целях подготовки для получения расчетных показателей по единой методологии³.

Россия в настоящий момент представлена в HFD непрерывными гармонизированными рядами оценок возрастной и итоговой рождаемости для условных поколений с 1958 по 2018 г. и для реальных поколений женщин с 1944 по 1978 годы рождения (г.р.) (Andreev et al. 2020). Показатели этой базы данных активно используются международными, российскими экспертами и автором статьи в сравнительных исследованиях российской рождаемости.

Уровень рождаемости в России в исторической перспективе: оптика условных и реальных поколений

Известно, что устойчивое снижение рождаемости в России началось в самом конце XIX – начале XX века и далее происходило очень быстро в ответ на коренную ломку социальной, экономической и политической системы, начавшейся в Российской Империи реформами 1861 г. (Урланис 1963: 16-23; Кваша 1971; Вишневский 1977; Вишневский, Волков 1983: 132-138; Вишневский, Тольц 1988; Захаров 1991; Zakharov 1992; Бондарская 1999). Поколения женщин, родившиеся до 70-х годов XIX века, судя по имеющимся данным, ограничение рождаемости на внутрисемейном уровне не практиковали (Вишневский 1977; Бондарская 1999).

Таблица 1 и рисунок 2 воспроизводят общую картину изменений итогового уровня рождаемости для условных и реальных поколений женщин в России с начала демографического перехода и на всем дальнейшем протяжении исторической эволюции. Полные данные, на основе которых построен рисунок 1, представлены в Приложении.

Двойное представление итоговой рождаемости в реальных и условных поколениях – известный прием, который дает возможность исследователям проследить как общую траекторию снижения уровня рождаемости, так и отклонения от ведущей тенденции, вызванные привходящими, временно действующими факторами. Среди последних выделяются социальные потрясения повышенной силы (мировые и гражданские войны, голод), а также попытки государственного воздействия на демографическое поведение

³ Подробнее о проекте см. официальный сайт HFD. <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>

россиян (меры пронаталистской государственной политики в 1980-х годов и после 2006 г. по настоящее время).

Общая периодизация российского варианта исторической эволюции рождаемости определяется достаточно четко. Начало снижения рождаемости продемонстрировали поколения матерей, появившиеся на свет в последней четверти XIX века, т. е. первые поколения, социализация которых проходила в условиях пореформенной России. В возраст максимальной рождаемости эти поколения вошли в самом начале XX века. История рождаемости в XX веке для России – это история ее преимущественного снижения, прерываемого в отдельные периоды более или менее заметными колебаниями показателей, особо выраженными для условных поколений. Учитывая более монотонный характер динамики рождаемости в реальных поколениях, на которые в первую очередь следует опираться при рассмотрении долговременной эволюции, периодизация этого процесса сводится к выделению периодов с различными темпами ее снижения.

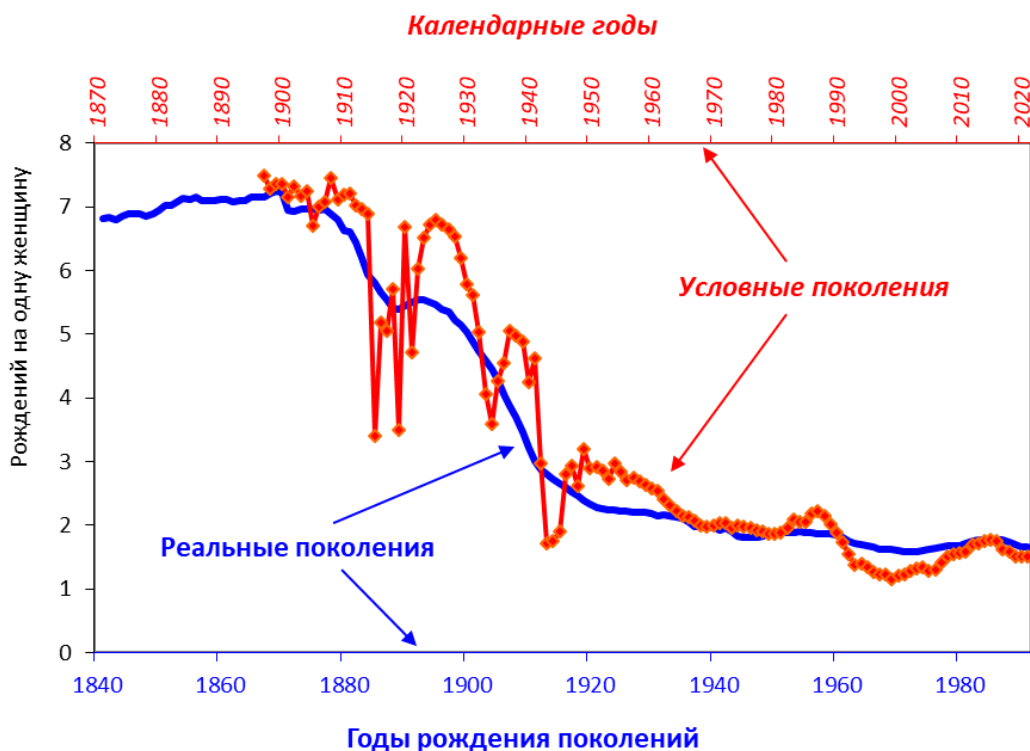
Таблица 1. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России: женские поколения 1866-1991 годов рождения, календарные годы - 1896-2021, рождений на одну женщину к возрасту 50 лет

Годы рождения женщин	Итоговая рождаемость реальных поколений	Календарные годы*	Итоговая рождаемость условных поколений
1866-1870	7,20	1896-1900	7,30
1871-1875	6,96	1901-1905	7,12
1876-1880	6,85	1906-1910	7,17
1881-1885	6,20	1911-1915	6,30
1886-1890	5,49	1916-1920	5,23
1891-1895	5,50	1921-1925	6,16
1896-1900	5,23	1926-1930	6,38
1901-1905	4,59	1931-1935	4,51
1906-1910	3,66	1936-1940	4,74
1911-1915	2,82	1941-1945	2,60
1916-1920	2,46	1946-1950	2,89
1921-1925	2,25	1951-1955	2,86
1926-1930	2,20	1956-1960	2,67
1931-1935	2,15	1961-1965	2,33
1936-1940	2,01	1966-1970	2,03
1941-1945	1,91	1971-1975	2,01
1946-1950	1,85	1976-1980	1,93
1951-1955	1,89	1981-1985	2,02
1956-1960	1,87	1986-1990	2,09
1961-1965	1,73	1991-1995	1,48
1966-1970	1,63	1996-2000	1,21
1971-1975	1,60	2001-2005	1,29
1976-1980	1,67	2006-2010	1,47
1981-1985	1,75**	2011-2015	1,70
1986-1990	1,73**	2016-2020	1,59

Примечание: * – Календарные годы соответствуют годам достижения возраста 30 лет когортами, указанными в левой части таблицы; ** – предварительная оценка с учетом данных до 2021 г. включительно.

Источник: Оценки автора, представленные в (Захаров 2006а: 157); расчеты автора на основе Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>) и неопубликованных данных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

Рисунок 1. Итоговая рождаемость условных (для календарных лет) и реальных (по году рождения женщин) поколений: календарные годы 1897-2021, поколения 1841-1991 годов рождения, число рождений на одну женщину к возрасту 50 лет

Примечание: а) Представлены оценки для каждого календарного года и для каждой однолетней когорты; б) представлена предварительная оценка итоговой рождаемости для поколений, родившихся после 1971 г.р. и еще не завершивших свое деторождение, основанная на сохранении возрастных коэффициентов рождаемости, наблюдавшихся в 2021 г.

Источник: Оценки автора, графически представленные в (Захаров 2006а; Zakharov 2008) и др.; расчеты автора на основе Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>) и неопубликованных данных Росстата за последние годы.

Первый этап ускоренного падения уровня рождаемости (поколения 1880-1890-х годов рождения): начало великой трансформации традиционного уклада

Темпы падения рождаемости в России с самого начала были очень высоки. Достаточно сказать, что уже поколения матерей, родившихся в 1890-х годах, произвели на свет в среднем 5,5 ребенка (падение на 25% по сравнению с допереходным уровнем, когда на каждую женщину приходилось более 7 рождений). Дополнительными катализаторами снижения выступили русско-японская война, социально-политический и экономический кризис 1905-1907 гг., а затем и Первая мировая война, «переросшая» в войну Гражданскую, сопровождавшуюся ужасающими голодом и эпидемиями. Пики этого социально-демографического кризиса приходятся на 1915 и 1919 г., фиксируются значениями коэффициента суммарной рождаемости (итоговой рождаемости условного поколения,

КСР). Достигнутый в эти годы КСР около 3,5 рождений на одну женщину будет впоследствии повторен только в 1934 г. в результате великого голодомора и других последствий коллективизации и далее перекрыт во время Второй мировой войны.

Сравнение показателей рождаемости для реальных и условных поколений на этом этапе эволюции может озадачить. Показатели для реальных поколений, во-первых, существенно ниже (если не считать годы с особенно резким падением КСР для условных поколений), а во-вторых, снижение их происходит более последовательно, монотонно ⁴. Если опираться на показатели для условных поколений, то можно даже сделать вывод, что в 1922-1926 гг. был практически восстановлен уровень рождаемости, наблюдавшийся до Первой мировой войны. Нет ли тут противоречия или даже ошибки в оценках?

Объяснение следует искать в отличительных свойствах и различной познавательной ценности двух индикаторов рождаемости. Показатели для условного поколения на этапе быстрого снижения рождаемости в реальных поколениях всегда завышают истинный уровень рождаемости, поскольку в каждом из расчетных лет условная (синтетическая) когорта состоит в значительной степени из матерей, принадлежащих поколениям, для которых была характерна более высокая рождаемость (высокие темпы формирования семьи) и в меньшей степени из матерей с новым, более низким уровнем рождаемости (с замедляющимися темпами формирования семьи). В такой ситуации ожидаемый итоговый уровень рождаемости, демонстрируемый коэффициентом суммарной рождаемости для синтетической когорты, оказывается завышенным – этот показатель, в общем случае имеющий прогностический смысл (показывает потенциальные значения при неизменности условий), попросту не поспевал за действительным снижением рождаемости, тем самым завышая ожидаемую оценку итоговой величины рождаемости поколений.

Следующий момент, который надо учитывать, наблюдая «повышенную» рождаемость условных поколений в 1920-х годах, связан опять же со свойством этих показателей, а именно, с зависимостью от происходивших календарных сдвигов в распределении рождений для реальных поколений матерей. Неслучайно послевоенные периоды увеличения числа рождений называют компенсаторным «повышением рождаемости». Фактически речь идет о том, что по мере нормализации ситуации в стране восстанавливаются прежние супружеские отношения, реализуются отложенные браки, что в итоге приводит к интенсивной реализации отложенных рождений, дополнительно к тем рождениям, которым пришел срок в соответствии с «нормальным» календарем для поколений, для которых планы в отношении деторождения не были изменены под воздействием стрессовых обстоятельств. Внешне это проявляется как бурный рост числа родившихся в некоторый фиксированный период исторического времени, что, однако, не означает обязательного повышения итоговой рождаемости за все время

⁴ Оценки итоговой рождаемости реальных поколений до 1920 г.р. получены косвенным методом из соответствующим образом преобразованного ряда чисел родивших, в свою очередь также реконструированного. В силу этого они, безусловно, сглажены. Исходные ряды рождений были получены в рамках совместного проекта с коллегами из французского Национального института демографических исследований (Париж) под руководством А. Блюма, выполненного в середине 1990-х годов (Adametz, Blum, Zakharov 1994; Блюм, Захаров 1997). Однако известно, что в силу их изначального кумулятивного характера истинные показатели рождаемости реальных поколений не могут иметь сильных краткосрочных колебаний в отличие от значений КСР для календарных лет, испытывающих сильное влияние конъюнктуры исторического момента.

репродуктивной активности реальных поколений, и соответственно увеличения среднего числа детей в семьях. Напротив, в России после Гражданской войны если и было повышение рождаемости в некоторых когортах, то едва заметное на фоне отчетливо выраженной доминирующей тенденции неуклонного снижения. С подобными эффектами России предстояло еще столкнуться в XX веке неоднократно. Попутно заметим, что в историко-демографической литературе, посвященной данному историческому периоду, нередко преувеличивается благотворное влияние «новой экономической политики» (НЭПа) на воспроизводство населения и, в частности, на рождаемость⁵. Анализ имеющихся в нашем распоряжении статистических данных не позволяет строго отделить влияние на показатели рождаемости условных поколений «социально-экономических» факторов, связанных с повышением уровня жизни, от чисто «демографических» факторов, под которым мы понимаем степень реализации возможностей, предоставляемых половозрастной и брачно-семейной структурами. Тем не менее сравнение динамики показателей для условных и реальных поколений дает основание утверждать, что решающее значение в почти десятилетнем поддержании коэффициента суммарной рождаемости условных поколений на уровне свыше 6 детей на одну женщину объясняется, главным образом, сдвигами в календаре рождений и браков или, иначе, их компенсаторным ростом за счет ускоренной реализации отложенных демографических событий после выхода из кризиса в 1915-1921 гг., а не действительным увеличением итоговой рождаемости поколений, переживших этот кризис, вступающих или находящихся в репродуктивном возрасте в то время.

Второй этап ускоренного падения уровня рождаемости (поколения 1900-1920-х годов рождения): цепь социальных катастроф

Темп сокращения рождаемости в этот период сопоставим с наблюдавшимся в предыдущем периоде. Однако длился этот этап несколько дольше, в результате чего общее сокращение итоговой рождаемости поколений за период составило более 50% (с 5 детей на одну женщину 1900 г.р. до 2,3 детей на одну женщину 1921 г.р.). Деторождение этих поколений пришлось на вторую половину 1920-х, 1930-е и 1940-е годы. Эти годы отмечены различными историческими событиями, неблагоприятно влиявшими на ритм формирования семей, в том числе и такими трагедиями как «Великий перелом» в городе и в деревне, повлекший перемещения миллионов людей, «голодомор» в 1932-1933 гг. и Вторая мировая война 1939-1945 гг., начавшаяся для СССР разделом Польши, аннексией территорий вдоль западных границ и кровопролитной войной с Финляндией. Во второй половине 1930-х годов ускоренно создавалась большая кадровая армия, вводилась всеобщая воинская повинность. Параллельно раскручивался маховик массовых репрессий по всей стране, в том числе и в растущей армии. Брачный рынок испытывал деструктивное воздействие, разделялись семейные пары, брачные отношения испытывались на прочность в массовом порядке, что и сказывалось на рождаемости.

⁵ Вот как характеризует этот период В.А. Исупов: «Наступила эра умиротворения, отмеченная разрядкой демографической напряженности»; «Рождаемость достаточно высокая в годы Гражданской войны, после ее окончания продолжала увеличиваться, чему способствовали не только воссоединение семей в ходе демобилизации Красной и ликвидации Белой армий, но и восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков. Учитывая к тому же, что в деревне трудовая деятельность начиналась в раннем возрасте, можно утверждать, что крестьянские семьи были экономически заинтересованы в многодетности» (Исупов 2000: 71).

Социальные катастрофы вызвали обвальное падение возрастных и итоговых показателей рождаемости для календарных лет. Так, КСР, по нашим оценкам, в 1934 г. составил 3,6, в 1943-1944 гг. – 1,7 рождений на одну женщину. Накануне рассматриваемых катастроф КСР был 5,6 в 1931 г. и 5,0 в 1938 г.

По мере того как страна выходила из очередной кризисной волны, все тот же механизм компенсации (реализация отложенных рождений) быстро поднимал показатели рождаемости для условных поколений. Однако полного восстановления докризисных значений коэффициента суммарной рождаемости ни разу не происходило. Тенденция усиления внутрисемейного контроля над рождаемостью под влиянием необходимости адаптации к быстро меняющейся социальной реальности сохранялась, и, соответственно, каждое последующее поколение матерей производило на свет все меньшее и меньшее число детей. В ситуациях сохранения неопределенности стремление ограничить деторождение пересиливало влияние улучшившихся условий для реализации отложенных рождений. Кроме того, полное восстановление докризисных ситуаций, с точки зрения структурных характеристик населения, невозможно даже теоретически. Кризисное повышение смертности нарушает половозрастные соотношения, приводит к более частому овдовению, нарушает брачный рынок. В результате чего шансы на реализацию жизненных планов в отношении формирования семьи и рождения детей для среднестатистического индивида значительно уменьшаются.

Одним из дискуссионных остается вопрос о связи повышения конъюнктурных характеристик рождаемости в 1936-1938 гг. с введением в действие закона 1936 г., запрещающего производство искусственных абортов по желанию женщины ⁶. Не отрицая по существу влияние этого фактора, отметим, что время введения закона в действие совпало с компенсаторным периодом после демографического кризиса, вызванного голодом в первой половине 1930-х годов. Специалисты справедливо указывают, что этой юридической нормой, ограничивающей права граждан на контроль своей рождаемости, власть хотела «подправить» демографическую ситуацию, резко ухудшившуюся в годы массовой коллективизации и голода (Урланис 1963: 28; Садвокасова 1969: 29; Вишневский, Сакевич, Денисов 2016) ⁷. Это постановление ЦИК и СНК СССР, кроме запрета аборта и уголовного наказания за уклонение от выплаты алиментов, вводило в действие целый ряд мер поддержки семьи, влияние которых на рождаемость могло быть вполне положительным, но оценить их значение не представляется возможным ⁸. С другой стороны, часто забывают, что и без этого «стимулирующего» закона число родившихся должно было, согласно демографическому закону компенсации, резко возрасти через несколько лет после кризиса. Вероятнее всего, Постановление 1936 г.

⁶ Данный вопрос акцентируется здесь, так как он видится актуальным в контексте постоянных попыток консервативных и клерикальных кругов сильно ограничить или даже запретить аборт по желанию женщины в современной России, и аргументом, как и в прежние времена, служит именно необходимость повышения рождаемости.

⁷ Имеются статистические факты, правда сегментированные, свидетельствующие о резком росте числа абортов в период голода (Денисенко 2008: 127-128).

⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родительных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах». См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/456020602>

лишь усилило компенсационную послекризисную волну рождений, но не явилось ее инициатором. Обоснуем нашу точку зрения с помощью конкретных данных.

Совместное рассмотрение коэффициентов рождаемости в возрастных группах 20-24 и 25-29 лет для когорт женщин 1907-1915 г.р. показывает, что дети, рождение которых не состоялось по причине кризиса, родились несколькими годами позже, т. е. в более позднем возрасте у тех же самых женщин. В результате чего накопленное число рождений к возрасту 30 лет у представленных поколений отличается слабо, не имея четко выраженной тенденции. А показатели итоговой рождаемости к возрасту 50 лет у этих поколений не продемонстрировали какой-либо заметной реакции на двадцатилетний запрет аборта и продолжили устойчивое снижение (Захаров 2006а: 161-163).

Остается, правда, в стороне «прожективный» вопрос: произошла ли бы в той же степени реализация рождений в 1935-1938 гг., отложенных по причине голода, если бы ее не «подтолкнул» закон 1936 г., сильно ограничивший доступность аборта? Поскольку такая постановка вопроса создает гипотетическую ситуацию, однозначного ответа быть не может. В то же время трудно себе представить, чтобы социальные нормы в отношении числа детей в семье и индивидуальные репродуктивные установки менялись столь стремительно за несколько лет (фактически за 5 лет), а только в этом случае можно было бы предположить, что отложенные дети, тем более первой и второй очередности, в массовом порядке никогда не появились бы на свет.

Реакция на Постановление 1936 г., застигнув врасплох многих женщин, выразилась в некотором повышении числа родившихся и других конъюнктурных показателей рождаемости – зубцы 1937 г. на кривых, характеризующих динамику возрастных коэффициентов рождаемости, отчетливо прослеживаются. Однако его влияние было не столь значительным, как это полагали или продолжают полагать многие авторы. Если сгладить эти пики, то мы получим, что дополнительный прирост (локальный эффект), вызванный законом об аборте, выразится в терминах КСР величиной не более 0,4 ребенка на одну женщину (8% от его значения равного 5 рождений на одну женщину в 1937 г.), что эквивалентно 353 тыс. рождений из общего числа в 4,4 млн родившихся в 1937 г. Близкие, но более высокие оценки дает Б.Ц. Урланис – 400-500 тыс. рождений, но он исходил из сопоставления более грубых общих коэффициентов рождаемости (Урланис 1963: 28-29). В последующие годы влияние запрета на аборт было еще менее значимым, и очевидного долгосрочного эффекта в величине итоговой рождаемости затронутых поколений мы не видим ⁹ (см. также (Сифман 1974: 42-43; Вишневский, Волков 1983: 174-176)).

Итак, в предвоенные годы не решение о запрете аборта, а реализация отложенных рождений и восстановление прежнего ритма формирования семей после катастрофического для населения периода сталинского «великого перелома» сыграли главную роль в повышении показателей рождаемости условных поколений ¹⁰.

Закон послекризисной компенсации имманентно присущ демографической системе, в чем мы еще раз убеждаемся на примере влияния Второй мировой войны.

⁹ По-видимому, первым исследователем, кто обратил на это внимание, рассмотрев, как и мы, одновременно показатели рождаемости условных и реальных поколений, была Р.И. Сифман (1974: 42-43).

¹⁰ В историографии к периоду «Великого перелома» относится первая пятилетка (1928-1932, пятилетка «индустриализации») и вторая пятилетка (1933-1937, пятилетка «коллективизации»).

Механизм переноса рождений из младшей возрастной группы в старшую воспроизводится в третий раз в российской истории XX века. Наиболее пострадавшие от войны когорты 1920-1923 г.р. не смогли в возрасте 20-24 года реализовать свои репродуктивные планы по причине войны, зато в возрасте 25-29 лет они в какой-то мере наверстали «упущенное время», частично реализовав отложенные рождения в послевоенные годы. Показатели итоговой рождаемости реальных поколений, свободные от влияния изменений в календаре рождений, продолжали неуклонное снижение, но с явным замедлением темпов. Здесь мы не можем не отметить, что подтверждаются выводы М. Накачи о неэффективности послевоенных дополнительных мер по стимулированию рождаемости, инициированных по предложению Н. Хрущева в Законе 1944 г.¹¹ (Накачи 2022).

Этап замедляющегося снижения уровня рождаемости и переход к его стабилизации (поколения 1920-1950-х годов рождения): утверждение двухдетной идеальной модели семьи

Формирование семей и репродуктивная деятельность указанных выше поколений происходили в послевоенный период, вплоть до начала 1990-х годов. Итоговая рождаемость реальных поколений составила 2,2-2,3 ребенка в расчете на одну женщину у когорт, родившихся в начале 1920-х годов и 1,8-1,9 – у когорт, родившихся в 1950-х годах. Рождаемость достигала минимума у когорт 1946-1947 г.р. (1,83 ребенка), затем несколько увеличилась и перешла в режим относительно короткой стагнации, прерванной новой тенденцией к снижению у поколений 1960-1970-х г.р.

На долю поколений, родившихся в первое десятилетие после войны, пришлось историческая роль завершить демографический переход от высокой рождаемости к низкой. Показатели рождаемости условных и реальных поколений быстро сближались, что свидетельствовало о завершении переходных процессов в контексте первого демографического перехода (устранение неэффективной рождаемости, связанной с высокой смертностью детей¹², установление тотального контроля рождаемости на индивидуальном и внутрисемейном уровне) и отсутствии оснований для резких изменений в календаре рождений. Поколения «детей» начинают формировать свои семьи по образу и подобию поколений своих «матерей»: итоговая рождаемость поколений, разделенных 30 годами (примерная величина длины демографического поколения¹³), различается мало. В качестве наиболее распространенной модели семьи устанавливается двухдетная как объективно действующая социальная норма и как статистический факт, подтверждаемый распределениями женщин по итоговому числу рожденных детей.

Действительно, если на этапе быстрого снижения рождаемости поколения «дочерей» имели в среднем на 40-50% меньше рождений, чем поколения их «матерей»,

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». См: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/9033536?marker=7DM0KB>.

¹² О понятии неэффективной рождаемости, ее количественном измерении и исторической эволюции в России см.: (Захаров 2003).

¹³ Длина демографического поколения — это средний интервал времени, разделяющий поколения. Она равна среднему возрасту матери при рождении дочерей, доживающих хотя бы до возраста, в котором находились их матери в момент их рождения.

то поколения, родившиеся в 1960-х годах – на 15-20% меньше, родившиеся в 1980-х годах – на 7-10% (таблица 2). В то же время очевидно, что каждое новое поколение родителей продолжает производить на свет в среднем меньше детей, тем самым продолжая более чем вековую историческую тенденцию. Суженный режим замещения поколений в современной России, характерный для всех поколений, родившихся после 1910 г. (Захаров 2003), несмотря на желания и усилия многих поколений политиков, далек от преодоления, что с неотвратимостью поддерживает тенденцию к сокращению общей численности населения страны.

Таблица 2. Соотношение уровней итоговой рождаемости в «дочерних» и «материнских» поколениях*, Россия

Годы рождения		Итоговая рождаемость, рождений на одну женщину		Отношение показателей рождаемости для когорт «дочерей» к показателям для когорт «матерей»
когорты «матерей»	когорты «дочерей»	когорты «матерей»	когорты «дочерей»	
1846-1850	1876-1880	6,90	6,85	0,99
1851-1855	1881-1885	7,08	6,20	0,88
1856-1860	1886-1890	7,11	5,49	0,77
1861-1865	1891-1895	7,12	5,50	0,77
1866-1870	1896-1900	7,20	5,23	0,73
1871-1875	1901-1905	6,96	4,59	0,66
1876-1880	1906-1910	6,85	3,66	0,53
1881-1885	1911-1915	6,20	2,82	0,47
1886-1890	1916-1920	5,49	2,46	0,45
1891-1895	1921-1925	5,50	2,25	0,41
1896-1900	1926-1930	5,23	2,20	0,42
1901-1905	1931-1935	4,59	2,15	0,47
1906-1910	1936-1940	3,66	2,01	0,55
1911-1915	1941-1945	2,82	1,91	0,68
1916-1920	1946-1950	2,46	1,85	0,75
1921-1925	1951-1955	2,25	1,89	0,84
1926-1930	1956-1960	2,20	1,87	0,85
1931-1935	1961-1965	2,15	1,73	0,81
1936-1940	1966-1970	2,01	1,63	0,81
1941-1945	1971-1975	1,91	1,60	0,84
1946-1950	1976-1980	1,85	1,67	0,90
1951-1955	1981-1985	1,89	1,75**	0,93**
1956-1960	1986-1990	1,87	1,73**	0,93**

Примечание: * — Для идентификации «материнских» и «дочерних» выбран 30-летний интервал времени, что приблизительно соответствует средней длине демографического поколения в длительной исторической ретроспективе;

** — предварительная оценка, основанная на прогнозе итоговой рождаемости для когорт, не вышедших из репродуктивного возраста: самая младшая когорта женщин 1990 г.р. к 2022 г. достигла 32-летнего возраста.

Источник: Оценки автора, представленные в (Захаров 2006а: 157); расчеты автора на основе Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>) и неопубликованных данных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

Рассматриваемый исторический этап эволюции рождаемости еще интересен и тем, что государство вновь проявило беспокойство по поводу низкой рождаемости, не обеспечивающей рост населения в долгосрочной перспективе. Начиная с 1981 г., поэтапно в течение нескольких лет советское правительство вводит в действие систему

социальных льгот и пособий семьям с детьми¹⁴. Ключевой мерой, имевшей наиболее заметные демографические последствия, на наш взгляд, стало введение впервые в российской практике отпусков для матерей по уходу за маленьким ребенком с сохранением рабочего места и непрерывного стажа работы: частично оплачиваемого отпуска до достижения ребенком возраста 1 год (1981-1983 гг.), продленного до 1,5 лет (1989-1990 гг.), неоплачиваемого отпуска до достижения трех лет, а также увеличение отпуска по беременности и родам («декретного отпуска»). Возможностью отпуска по уходу за ребенком в СССР воспользовались очень многие женщины, имевшие на это право, в первую очередь, с высшим образованием (учителя, врачи), которым прежде особенно трудно удавалось совмещать беременность с занятостью по основной профессии. Какую-то роль сыграло и присвоение официального статуса «многодетных» семьям с тремя детьми (до этого многодетными признавались семьи с пятью и более детьми), что повысило их приоритет при получении жилья, обеспечении товарами и услугами.

Как показывает международный опыт, в условиях низкой рождаемости подобные государственные инициативы вызывают хотя и кратковременный, но, зачастую, значительный всплеск рождений, в том числе среди работающих и социально активных женщин, благодаря сдвигам в календаре рождений вторых и, отчасти, третьих детей. Россия не стала исключением из этого правила, подтвержденного опытом многих стран. Какая-то часть российских семей в 1980-х годах не только производила на свет потомство раньше первоначальных планов, но и с уменьшением интервалов между родами (Захаров 2006b; 2007b; Гришина 2008; 2009), продлевая отпуск по уходу за детьми в связи с рождением очередного ребенка. Однако через несколько лет вслед за временным «бэби-бумом» с неизбежностью следует резкий спад конъюнктурных показателей рождаемости.

В условиях неизменности идеального размера семьи и стабильности намерений в отношении числа детей в собственной семье рождение ребенка «сегодня» означает нерождение его «завтра» (Борисов 1976: 72). Перенос сроков рождения детей, происходящий на массовом уровне в ответ на действия государства в области семейной политики, по своим демографическим последствиям является зеркальным отражением ситуации, когда сдвиги в календаре рождений происходят под влиянием катастрофических событий (войн, голода и др.). Меняется только последовательность фаз спада и подъема показателей рождаемости для условных поколений.

Демографическая политика 1980-х годов дестабилизировала динамику общего уровня рождаемости в терминах условных поколений, но практически никак не сказалась на итоговых показателях рождаемости реальных поколений, оказавшихся в этот момент в наиболее активных репродуктивных возрастах. Возможно, что она лишь поддержала тенденцию к стабилизации уровня рождаемости¹⁵.

¹⁴ Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». См: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/9015746>

¹⁵ О.В. Гришина (Крупa), опираясь на данные масштабного выборочного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ/GGS), показала, что в период реализации дополнительных мер помощи семьям с детьми в 1980-х годах рождаемость повысилась только у тех женщин, которые родились и воспитывались в семьях с двумя и более детьми. Женщины, выросшие в однопородных семьях, рост итоговой рождаемости практически не продемонстрировали. Аналогичные

Проиллюстрируем сказанное на фактических данных. В таблице 3 представлена накопленная к возрастам 25, 30 и 35 лет и итоговая рождаемость поколений 1950-х и 1960-х г.р., в той или иной мере находившихся под воздействием мер семейно-демографической политики образца 1980-х годов. Календарь рождений у женщин поколения 1960 г.р. отличается существенным образом от календаря у женщин, рожденных шестью годами раньше. Они с большей интенсивностью производили на свет потомство в молодом возрасте. Однако к 35 годам, несмотря на мощный старт, накопленная доля женщин с двумя и более детьми у этого поколения такая же, как и у поколения 1954 г.р., проживших те же 15 лет репродуктивной жизни более размеренно в предшествующем историческом периоде.

На основании значений итоговой рождаемости поколений 1950-х и 1960-х г.р. едва ли можно говорить о сколько-нибудь значимой демографической результативности политики образца 1980-х годов – прирост показателя итоговой рождаемости составил не более 0,1 рождений в расчете на одну женщину в поколениях 1950-х г.р. (Захаров 2006b; 2007b). В.Н. Архангельский, опираясь на данные переписей населения 1989, 2002 г. и микропереписи 1994 г., пришел к похожему результату (Архангельский 2006: 35, 40). Эффект, который мы можем бесспорно зафиксировать – это очередная дестабилизация календаря рождений у целого ряда поколений, выразившаяся в те годы в усилении тенденции формирования семей в более раннем возрасте с укороченными интервалами между рождениями, вызванная не естественным ходом эволюции рождаемости, а искусственным воздействием извне – государственной политикой. Конъюнктурный всплеск числа рождений и подъем КСР был тогда встречен политиками и целым рядом комментаторов с большим воодушевлением как ожидаемый благоприятный результат семейной политики. Только пару десятилетий спустя, с опорой на ретроспективные данные специальных исследований и углубленный анализ статистики рождаемости в разрезе реальных поколений стало возможно вынести неутешительный вердикт о демографической результативности политики 1980-х годов (подробное см.: (Архангельский 2006: 33-39; Захаров 2006b; 2007b; Андреев 2016)).

результаты были получены для тех же поколений мужчин (Гришина 2008; 2009). Таким образом, была еще раз эмпирически подтверждена закономерность воспроизведения похожих, «унаследованных» у своих родителей репродуктивных установок в постпереходных обществах (после перехода к низкой рождаемости и утверждения идеальной нормы двух детей в семье), которые проявляют себя даже в специфических условиях активной семейной политики. Из этого следуют, во-первых, весьма ограниченные возможности государства изменять на массовом уровне репродуктивные практики. Во-вторых, механизм влияния политики на различные социально-демографические группы населения оказывается сложным: одни те же меры способны стабилизировать или даже повышать вероятность рождения нескольких детей в группах с рождаемостью выше средней и не оказывать значимого влияния на поведение групп населения с низкой рождаемостью (в то же время последние, как правило, и являются целевой группой пронаталистской политики). При этом первая группа исторически уменьшает свое представительство в населении, а вторая повышает, что создает структурную основу для дальнейшего снижения общего уровня рождаемости – «ловушки низкой рождаемости» (Lutz, Skirbekk, Testa 2006).

**Таблица 3. Среднее число рожденных детей к указанным возрастам:
Россия, поколения женщин 1950-1990-х годов рождения.**

Год рождения женщин	К 25 годам	К 30 годам	К 35 годам	К 50 годам
1950	0,92	1,45	1,73	1,87
1951	0,93	1,45	1,75	1,88
1952	0,93	1,45	1,76	1,88
1953	0,93	1,45	1,76	1,87
1954	0,94	1,48	1,79	1,88
1955	0,95	1,49	1,80	1,88
1956	0,95	1,51	1,80	1,87
1957	0,96	1,54	1,80	1,87
1958	0,98	1,57	1,80	1,87
1959	1,01	1,60	1,80	1,87
1960	1,03	1,60	1,78	1,85
1961	1,03	1,57	1,73	1,80
1962	1,03	1,53	1,68	1,76
1963	1,04	1,49	1,64	1,72
1964	1,04	1,45	1,60	1,69
1965	1,04	1,42	1,58	1,67
1966	1,03	1,39	1,55	1,66
1967	1,01	1,34	1,52	1,63
1968	0,98	1,31	1,50	1,62
1969	0,95	1,29	1,48	1,62
1970	0,92	1,25	1,46	1,60
1971	0,88	1,21	1,43	1,59
1972	0,84	1,18	1,40	1,58
1973	0,81	1,16	1,40	1,59*
1974	0,79	1,15	1,41	1,61*
1975	0,75	1,13	1,40	1,62*
1976	0,72	1,11	1,41	1,64*
1977	0,69	1,09	1,42	1,66*
1978	0,67	1,09	1,43	1,68*
1979	0,66	1,08	1,43	1,68*
1980	0,64	1,07	1,44	1,68*
1981	0,62	1,08	1,47	1,72*
1982	0,61	1,10	1,50	1,76*
1983	0,60	1,11	1,52	1,77*
1984	0,59	1,11	1,51	1,76*
1985	0,58	1,11	1,50	1,74*
1986	0,59	1,14	1,52	1,77*
1987	0,59	1,16	1,53*	1,78*
1988	0,58	1,13	1,49*	1,74*
1989	0,57	1,09	1,43*	1,67*
1990	0,56	1,05	1,39*	1,63*

Примечание: * – Предварительная оценка, основанная на сохранении темпов изменений с возрастом коэффициентов рождаемости, наблюдаемых в 2021 г. Фактические значения, вероятнее всего, будут несколько выше, учитывая тенденцию к увеличению коэффициентов рождаемости у женщин в возрастах старше 30 лет. Однако для когорт, родившихся во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов, оно будет едва заметным, и в лучшем случае (при сохранении роста коэффициентов рождаемости в старших возрастах) добавит 0,01 к значению итоговой рождаемости, приведенной в таблице.

Источник: Расчеты и оценки автора, основанные на опубликованных и неопубликованных данных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

Новейший этап изменений уровня рождаемости (поколения матерей 1960-1980-х годов рождения): признаки очередной стабилизации и слабая результативность пронаталистской политики

Начиная с поколений матерей, родившихся во второй половине 1960-х годов, вновь обозначился понижающийся тренд показателей итоговой рождаемости. Исторический рекордный минимум продемонстрировали россиянки 1971-1973 г.р. – 1,59 рождений на одну женщину. Итоговая рождаемость для поколений второй половины 1970-х и 1980-х г.р. ожидается несколько выше – 1,70-1,77 рождений с перспективой стагнации в диапазоне от 1,6 до 1,7.

Особенностью новейшего этапа эволюции рождаемости является очередное существенное расхождение траекторий изменения показателей рождаемости для условных и реальных поколений, особенно заметное для поколений 1970-х г.р., репродуктивная активность которых пришлась на 1990-е годы (рисунок 2). В отличие от предыдущих укрупненных исторических периодов, снижение показателя итоговой рождаемости для условных поколений опережает уменьшение показателей для реальных поколений. Такое отклонение однозначно свидетельствует о серьезном замедлении темпов формирования потомства: каждое последующее поколение производит на свет детей в более позднем возрасте, чем предшествующее. С середины 1990-х годов началось откладывание первых браков и первых рождений, резко снизилась интенсивность деторождения в самых молодых возрастных группах матерей, что привело к падению коэффициента суммарной рождаемости для условного поколения. Постарение возрастного профиля рождаемости вылилось не в кратковременный перепад в значениях коэффициентов рождаемости в отдельных возрастных группах, наблюдаемых ранее в военные годы или под воздействием мер семейной политики 1980-х годов, а в долговременный процесс трансформации российской модели рождаемости в сторону последовательного постарения материнства, что наблюдается и в других промышленно развитых странах с конца 1960-х годов. Инструментальной основой перехода к новой модели формирования семьи и новому возрастному профилю рождаемости – второго демографического перехода (Lesthaeghe 1991; Захаров 2005; Zakharov 2008; Lesthaeghe 2020) – в России, как и во всех других странах, выступает меняющаяся структура методов контроля рождаемости в пользу современных, высокоэффективных средств планирования семьи, «контрацептивная революция» (Захаров, Сакевич 2007; Lesthaeghe 2014; Вишневский, Денисов, Сакевич 2017). Максимум интенсивности деторождения для женщины во всех развитых и быстро развивающихся странах постепенно смещается в возраста старше 25 лет и даже старше 30 лет, в первую очередь, из-за более позднего начала формирования семей. Не избежала такой судьбы и российская модель рождаемости: к 2022 г. средний возраст матерей при рождении первого и второго ребенка увеличился на 3 года по сравнению с началом 1990-х годов (таблица 4), коэффициент рождаемости у матерей до 20 лет снизился в четыре раза, у матерей 30 лет и старше увеличился в два раза за тот же период (таблица 5). Наиболее интенсивно перестройка возрастного профиля деторождения протекала во второй половине 1990-х и в первом десятилетии 2000-х годов.

Таблица 4. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1970-1995, 1999-2021, лет

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие
1970	26,88	23,64	28,25	30,78	32,61	35,92
1975	26,38	23,29	27,77	30,78	32,70	36,00
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1985	25,78	22,92	27,13	30,03	31,56	34,71
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
1999*	25,57	23,29	27,70	30,68	32,30	34,53
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,49	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,39	23,96	28,77	31,51	32,99	34,85
2005*	26,53	24,10	28,92	31,60	33,01	34,97
2006*	26,61	24,20	29,04	31,69	33,11	34,99
2007*	26,96	24,33	29,14	31,76	33,18	35,01
2008*	27,18	24,44	29,30	31,94	33,34	35,16
2009*	27,38	24,67	29,44	32,02	33,34	35,07
2010*	27,65	24,90	29,55	32,19	33,41	35,09
2011*	27,69	24,91	29,49	32,16	33,42	35,06
2012	27,85	25,01	29,52	32,21	33,38	34,99
2013	27,98	25,19	29,54	32,22	33,38	34,93
2014	28,12	25,30	29,53	32,21	33,33	34,86
2015**	28,24	25,46	29,52	32,15	33,23	34,70
2016**	28,42	25,63	29,63	32,15	33,25	34,75
2017**	28,51	25,78	29,60	32,08	33,19	34,67
2018**	28,65	25,91	29,63	31,96	32,79	34,27
2019**	28,70	25,93	29,66	31,96	32,94	34,45
2020**	28,76	25,94	29,59	31,97	32,97	34,44
2021**	28,88	26,02	29,63	32,02	33,07	34,43

Примечание: * – Оценки для 1999-2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для тех территорий, которые сохраняли и предоставляли в Росстат разработку данных о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения. Доля общего числа рождений, распределенных по очередности рождения, в эти годы была не ниже 66%; различия между группами регионов, охваченных и не охваченных регистрацией очередности рождений в терминах КСР составляли не более 0,045 рождений на одну женщину и 0,117 лет для среднего возраста матери при рождении ребенка (Andreev et al. 2020);

** – без данных по Крыму и Севастополю.

Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: (Вишневский 1999: Приложения, Таблица 2; Вишневский 2004: 47).

Источник: Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>); расчеты автора среднего арифметического возраста матери с использованием в качестве весов коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп, основанные на опубликованных и неопубликованных данных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

Таблица 5. Возрастные коэффициенты и коэффициент суммарной рождаемости, Россия, 1970-2021

Год	На 1000 женщин в возрасте, лет							КРП5*	КРП1**
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49		
1970	28,9	151,7	104,0	68,7	31,9	8,7	1,0	1,97	1,99
1975	34,8	157,3	109,3	56,6	28	7,2	0,6	1,97	1,97
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4	1,89	1,86
1985	47,2	165	113,0	59,7	23,3	3,6	0,3	2,06	2,05
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2	1,88	1,89
1995***	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1	1,33	1,34
1996***	38,9	105,5	65,5	30,1	10,8	2,3	0,1	1,27	1,27
1997***	35,8	98,0	64,8	31,2	10,8	2,2	0,1	1,21	1,22
1998***	33,5	98,1	66,7	33,1	11,5	2,3	0,1	1,23	1,23
1999***	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1	1,15	1,16
2000***	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1	1,19	1,20
2001***	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1	1,22	1,22
2002***	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1	1,28	1,29
2003***	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1	1,32	1,33
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1	1,34	1,35
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2	1,30	1,29
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2	1,31	1,31
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2	1,43	1,42
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2	1,52	1,50
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2	1,56	1,54
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30,0	5,9	0,3	1,59	1,57
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3	1,60	1,58
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3	1,71	1,69
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4	1,72	1,71
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4	1,77	1,75
2015****	24,1	89,9	112,6	83,1	39,8	8,3	0,5	1,79	1,78
2016****	21,6	87,0	111,4	84,5	41,0	8,8	0,5	1,77	1,76
2017****	18,5	81,2	100,0	77,3	39,2	8,7	0,5	1,63	1,62
2018****	16,2	78,4	96,4	76,2	39,7	8,9	0,6	1,58	1,58
2019****	14,7	74,8	91,1	71,6	38,7	8,9	0,6	1,50	1,50
2020****	14,3	73,6	92,4	70,7	39,2	9,2	0,6	1,50	1,50
2021****	13,6	70,6	94,7	71,0	40,1	9,5	0,6	1,50	1,50

Примечание: * – КРП5 – коэффициент суммарной рождаемости для условного поколения (ожидаемая итоговая величина рождаемости для поколения, вступившего в деторождение в расчетном году), рассчитанный как сумма пятилетних возрастных коэффициентов, представленных в таблице;

** – КРП1 – коэффициент суммарной рождаемости для условного поколения, рассчитанный как сумма однопятилетних возрастных коэффициентов, дающий более точную оценку ожидаемой величины итоговой рождаемости по сравнению с КРП5;

*** – без Чеченской Республики, в которой учет демографических событий в 1995-2003 гг. отсутствовал или был далеко не полным;

**** – без данных по Крыму и Севастополю.

Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: (Вишневский 2007: 81-90).

Источник: Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>); расчеты автора, основанные на опубликованных и неопубликованных данных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

Многие комментаторы на рубеже 1990-х и 2000-х годов поспешили объявить складывающуюся ситуацию новым кризисом рождаемости и семьи, «демографической катастрофой», проводя аналогию с военными периодами. Ряд из них актуализировали давно вынашиваемую идею о неизбежности перехода к однодетной и даже бездетной

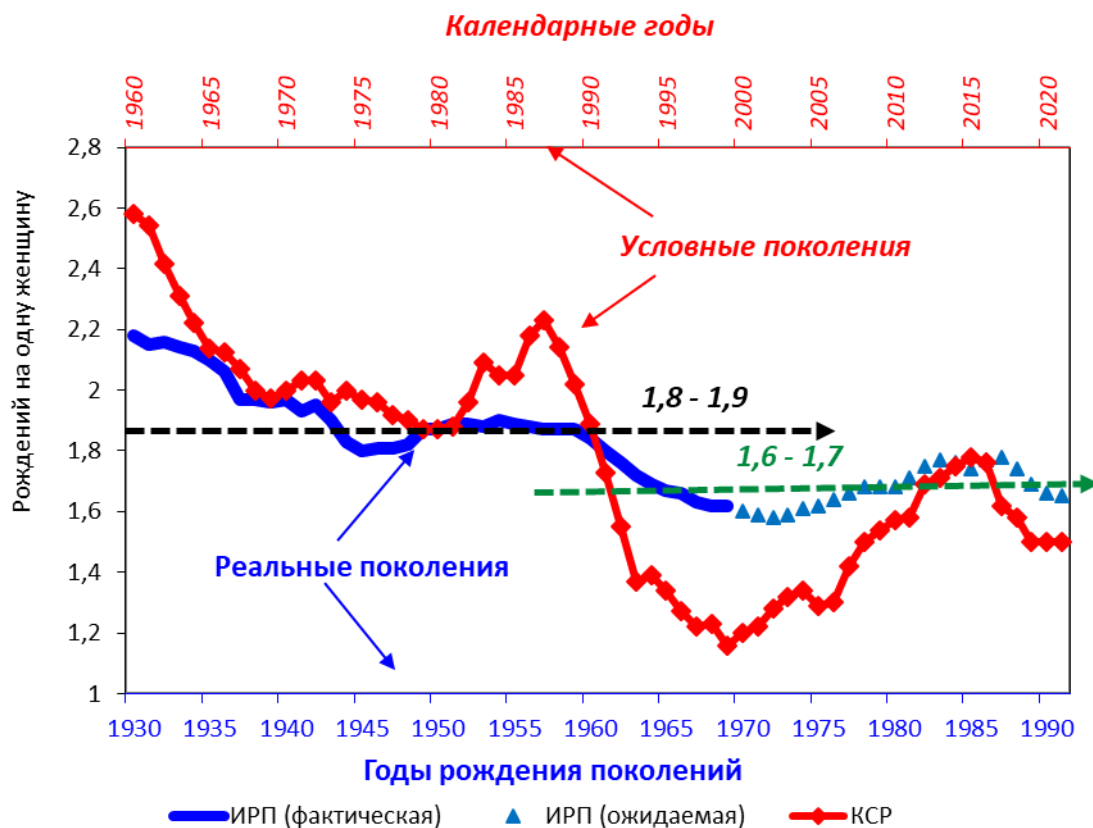
семье в масштабе всего населения страны и мира. Алармизм преобладал и в общественном мнении, и на политическом уровне, что находило отражение в практических рекомендациях, сводящихся к необходимости немедленного вмешательства государства в демографическую сферу с помощью специальной политики стимулирования рождаемости вплоть до введения чрезвычайных мер. Так, предлагалось принять закон о «чрезвычайном демографическом положении», в соответствии с которым рождение первого ребенка объявлялось обязательным, аборт вновь запрещался и так далее (Хорев 1997: 137-139). Очень многие, даже специалисты-демографы полагали, что новейшее снижение рождаемости является результатом социально-экономического кризиса в стране, падения уровня жизни, морали и нравственности, что такова «демографическая цена реформ», ведущих общество не в том направлении – к депопуляции из-за решения проблем «неправильными» методами, т. е. становлением рыночной экономики (см., например, (Хорев 1998; Осипов 2000; Гундаров 2001), целую серию публикаций «Население и кризисы»: (Хорев, Данилова, Иванкова 2001; Хорев 2002) и др.).

Поиски национальной идеи для российской политической элиты завершаются в первой половине 2000-х годов победой сторонников восстановления хорошо знакомой советской идеологии государства как «всесильного» патерналистского государства, способного регулировать все социальные отношения, в том числе и семейные. Становится преобладающей в государственной демографической политике идеология управления демографическими процессами с целью достижения количественных целей при помощи финансовых инструментов и пропаганды идеальных поведенческих образцов. Происходит также резкое усиление консервативной семейной идеологии, предполагающей восстановление традиционного отношения к семье как институту, на котором базируется государство. Пронатализм объявлен основой широко понимаемой социальной политики (что, вообще говоря, беспрецедентное решение для всей постимперской истории России), которая поддерживается возрастающими бюджетными инвестициями. Церковь и религиозный фундаментализм впервые после 1917 г. играют едва ли не главную роль в формировании семейной идеологии, семейной и социальной политики в целом (Knorre 2018), что, несомненно, является наиболее существенной чертой современного этапа ее эволюции, отличающего его от советского опыта (Вишневский 1992; Ivanov, Visnevsky, Zakharov 2006; Chernova 2012; Selezneva 2018; Zakharov 2018).

В 2006-2007 гг. в России стартует политика активного государственного пронатализма (в официальных документах именуемая как «политика стимулирования рождаемости»). Для того, чтобы оценить первые результаты пятнадцатилетия активной демографической политики в России, обратимся еще раз к уже использованному нами выше двумерному представлению динамики уровня рождаемости – в перспективе изменений коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений (календарных лет) и итоговой рождаемости для реальных поколений.

На рисунке 2 отражены изменения российской рождаемости за период с 1960 по 2021 г. (60 лет – длина двух демографических поколений), на фоне которого можно взвешенно оценивать существенность сдвигов в ее уровне за последние годы, в том числе и возможные результаты политики повышения рождаемости.

Рисунок 2. Итоговая рождаемость условных (для календарных лет) и реальных (по году рождения женщин) поколений: календарные годы 1960-2021, поколения 1930-1991 годов рождения, рождений на одну женщину к возрасту 50 лет

Примечание: Предварительная оценка для поколений, родившихся после 1971 г.р. и еще не завершивших свое деторождение, основанная на сохранении возрастных коэффициентов рождаемости, наблюдавшихся в 2021 г.

Источник: Оценки автора, представленные в (Захаров 2006а: 157), а также расчеты автора на основе Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>) и неопубликованных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

Во-первых, следует отметить, что в последние два-три десятилетия Россия вышла на новое плато с относительно стабильным уровнем рождаемости: на место показателей вблизи 1,8-1,9 рождений на одну женщину пришли показатели в районе 1,6-1,7. Таким образом, можно зафиксировать, что поколения середины 1960-х г.р. и позднее произвели на свет в среднем на 0,1-0,2 рождений меньше в расчете на одну женщину, чем их собственные матери. С другой стороны, есть основания надеяться, что Россия прошла исторический минимум уровня рождаемости (1,58-1,59 рождений на одну женщину в когортах начала 1970-х г.р.). По крайней мере, поколения 1980-х г.р. отметились некоторым ростом итоговой рождаемости и преодолели планку в 1,7 рождений на одну женщину.

Во-вторых, если приписать весь зафиксированный прирост итогового показателя рождаемости в России результатам специальной политики по стимулированию рождаемости, то достижения окажутся пока очень скромными: 1,73 (средний показатель для женских когорт 1980-1989 г.р.) – 1,63 (средний показатель для женских когорт 1970-1979 г.р.) = 0,1 рождения на одну женщину. Перспектива увеличения показателей

рождаемости в ближайшие годы представляется весьма сомнительной, поскольку после 2015 г. мы наблюдаем существенное снижение КСР с возвратом к значению 1,5 в 2019-2021 гг. (это уровень 2008 г.). Следовательно, зафиксированный прирост итоговой рождаемости когорт может так и остаться окончательной и малозначимой по своей величине оценкой максимального демографического эффекта от пронаталистской политики в России новейшего времени. Фактически это повторение демографического результата политики 1980-х годов (см. также анализ с привлечением вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения (Zakharov 2016; Захаров 2019)).

В-третьих, по нашему мнению, оцененный нами средний прирост итоговой рождаемости реальных поколений никак нельзя отнести целиком за счет политики по стимулированию рождаемости, стартовавшей после 2006 г. Интенсивность деторождения начала постепенно подниматься до введения каких-либо стимулирующих мер и даже до информирования общества о возможности их введения (рисунок 2). В силу чего разумно предположить, что политика лишь усилила/ускорила восходящий тренд рождаемости. Более ответственной максимальной оценкой эффекта политики будет 0,07-0,08 рождений в расчете на одну женщину. Но даже и эта величина, весьма вероятно, переоценивает эффект от таких прямых мер «демографической политики», принимаемых на федеральном и региональных уровнях: «материнского» капитала, всех видов денежных пособий и других программ, включая пропагандистские. Все-таки нельзя отрицать, что и общий, и располагаемый уровень доходов населения какое-то время увеличивался в 2000-х годах, что позволяло россиянам более оптимистично оценивать перспективы формирования семей. К настоящему моменту потенциал, заложенный в позитивном отношении к социально-экономическим изменениям, по-видимому, иссякает, так же как становятся все более призрачными надежды на быстрый рост благосостояния россиян, переживших удар пандемии COVID-19 в 2020-2021 гг. и вскоре оказавшихся перед лицом еще более трудных и неопределенно долгих лет политического и экономического кризиса.

Общие выводы из анализа исторического процесса и прогноз итоговой рождаемости для реальных и условных поколений на обозримую перспективу

Снижение рождаемости реальных поколений в России практически на всем протяжении демографического перехода было монотонным. Некоторое нарушение этой монотонности можно обнаружить только в когортах 1890-1895 г.р. Напротив, показатель рождаемости для условных поколений (коэффициент суммарной рождаемости) демонстрировал высокие колебания на фоне общего тренда к снижению. Колебания показателей для условных поколений, вызванные специфическими особенностями тех или иных периодов (катастрофическими изменениями социально-экономической среды и/или вмешательством государства в демографическую сферу), отражают, в первую очередь, сильные сдвиги в календаре рождений. Резкие спады и последующие не менее резкие компенсационные подъемы конъюнктурных показателей отражают мгновенные изменения темпов формирования семей под воздействием изменчивых внешних обстоятельств, но маскируют генеральную тенденцию эволюции рождаемости. В России на протяжении XX века можно насчитать пять случаев существенного отклонения коэффициента суммарной рождаемости условных поколений (для календарных лет) от тренда итоговой рождаемости для реальных поколений: три под воздействием катастрофических обстоятельств и два в результате семейной политики государства.

Переход к низкой рождаемости в России был в значительной степени ускорен непрерывной цепочкой социальных катаклизмов, сопровождавших ускоренную модернизацию общества. Дело не только в том, что во время кризисов падал жизненный уровень населения, но и в том, что в эти периоды приобретался массовый опыт индивидуального контроля над рождаемостью. Репродуктивное поведение россиян постоянно адаптировалось к меняющейся действительности, в том числе и не по доброй воле, т. е. вынужденно. Необходимость частых изменений календаря рождений и браков вызывала к жизни специфические инструментальные методы и способы регулирования рождаемости. К сожалению, в России это вылилось в массовое распространение абортной практики. Постановление ВЦИК и СНК СССР 1936 г., запретившее искусственный аборт по желанию женщины, было во многом наивной попыткой тоталитарного государства переломить тенденцию к снижению рождаемости, «подправить» демографическую ситуацию после кризиса, вызванного «Великим переломом». Его эффект в повышении конъюнктурных показателей (числа родившихся, коэффициента суммарной рождаемости) в 1937 г. мы оцениваем не более, чем в 8%. В терминах итоговой рождаемости реальных поколений роль этого фактора, видимо, нулевая, сводимая к подвижкам в календаре рождений у части женщин, застигнутых новым обстоятельством врасплох.

Активность государства в стремлении улучшить демографическую ситуацию в постпереходные 1980-е годы оказалась также малоэффективной. Она имела не только весьма слабые демографические результаты, но и отрицательные социально-демографические последствия, среди которых и снижение возраста материнства, и уменьшение интергенетических интервалов. Дезорганизация календаря рождений в целом представляется очень серьезной проблемой, поскольку она инициировала последующий компенсаторный обвал интенсивности деторождения в 1990-х годах.

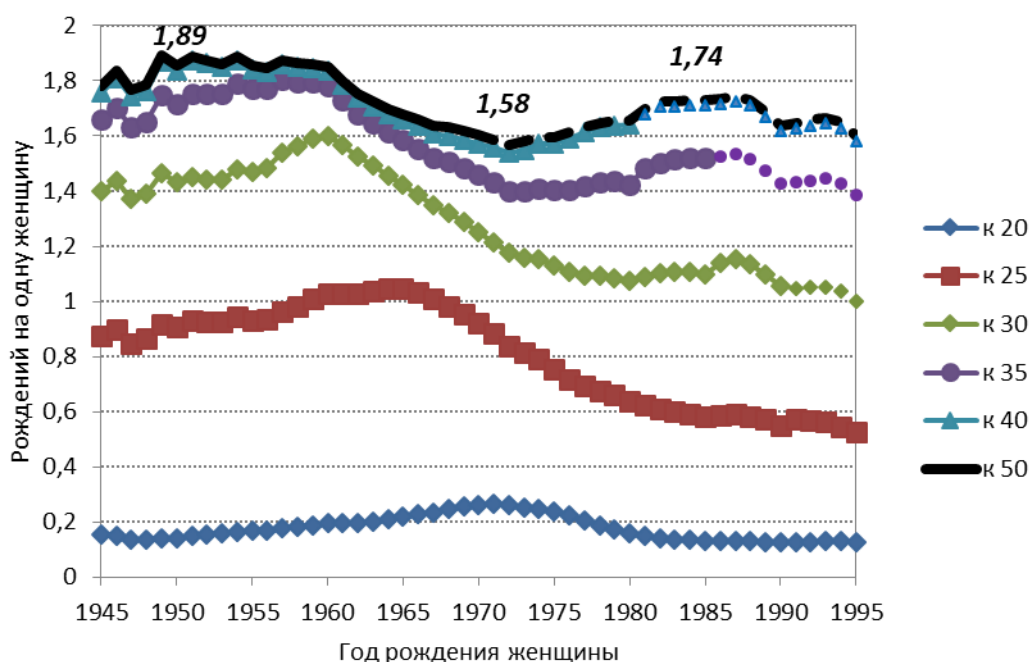
С середины 1990-х годов эволюция рождаемости перешла в новую фазу. Когорты 1970 и более поздних годов рождения ведут себя иным образом в matrimониальной и репродуктивной сфере, чем их предшественники. Эти отличия проявляются в меньшей степени в отношении общего уровня итоговой рождаемости и в большей степени выражаются в структурных изменениях российской модели деторождения. Поколения 1970-1990-х г.р. меняют возрастной профиль рождаемости и календарь рождений как в ответ на изменения в экономической и политической конъюнктуре, включая перемены в семейно-демографической политике, так и, что более важно, под более общим влиянием долгосрочных, фундаментальных изменений в обществе в постиндустриальную эпоху. Так, сдвиги в образовательных стратегиях на массовом уровне неизбежно влекут за собой трансформацию возрастного профиля вступления в брак и деторождения.

Влияние мер текущей политики российского государства по стимулированию рождаемости, стартовавших после 2006 г., едва ли выражается более чем в 0,07-0,08 рождений в расчете на одну женщину в терминах итоговой рождаемости реальных поколений.

На ближайшие одно-два десятилетия можно с большой уверенностью ожидать, что средний уровень рождаемости в России будет колебаться в пределах 1,4-1,8 рождений в расчете на одну женщину условного поколения, и в еще более узких пределах 1,6- 1,75 рождений в расчете на одну женщину для поколений, родившихся во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х годов (рисунок 3): в 2022 г. эти когорты были в

возрастах от 27 до 37 лет, т. е. находились в процессе активного деторождения. Несмотря на возможные изменения экономических и социально-политических условий их жизнедеятельности в предстоящие одно-два десятилетия, вариация ожидаемых итоговых репродуктивных результатов с учетом тенденций рождаемости, наблюдаемых в последние несколько десятилетий, останется в вышеуказанных пределах. Такой взгляд на перспективы российской рождаемости, видимо, поддерживается и другими отечественными демографами (Архангельский, Зинкина, Шульгин 2019).

Рисунок 3. Среднее число рождений к возрасту 20, 25, 30, 35, 40 и 50 лет для реальных поколений женщин 1955-1994 годов рождения: фактические и ожидаемые значения при сохранении темпов изменения с возрастом коэффициентов рождаемости, наблюдаемых в 2019-2021 гг.

Источник: Данные, представленные в таблице 3, а также расчеты и оценки автора, основанные на неопубликованных данных ежегодных отчетов Росстата о естественном движении населения (ЕДН).

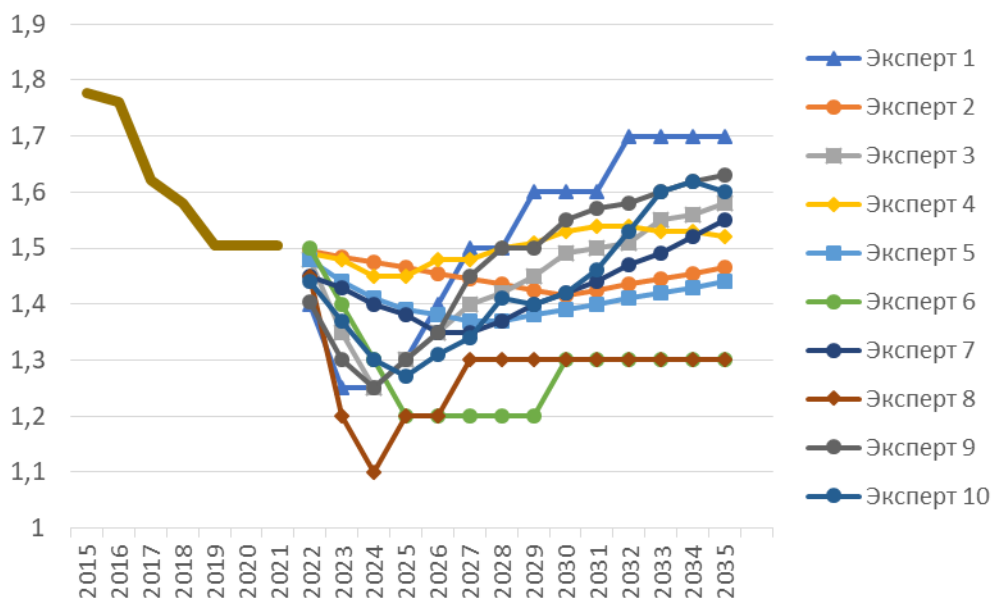
В условиях крайней неопределенности изменения социально-политических и экономических условий жизни россиян в ближайшие годы мы были вынуждены прибегнуть к эвристическим, интуитивным процедурам оценки тренда КСР на ближайшие десятилетия, в первую очередь для определения минимаксных границ возможного варьирования показателя.

Мы попросили 10 экспертов из числа наиболее профессионально подготовленных демографов, представляющих несколько исследовательских центров Москвы, независимо друг от друга (без коллективного обсуждения задачи и результатов) представить ожидаемые, по их мнению, траектории КСР в обозримом будущем — до 2035 г. Результаты ожидаемой годовой динамики представлены на рисунке 4.

Обращает внимание достаточно существенный разброс ожидаемых значений в особенности для ближайших лет, что лишний раз подчеркивает высокую степень ситуационной неопределенности в стране. В то же время среди экспертов имеется

единодушное отрицание возможности сохранения КСР на уровне 2021 г., и тем более возможности повышения показателя в ближайшие три-четыре года. Вопрос лишь в том, произойдет ли падение КСР до уровня 1,1-1,2 рождений на одну женщину, или же оно будет более умеренным – до 1,4.

Рисунок 4. Изменения КСР: фактические в 2015-2021 гг. и прогнозные в 2022 - 2035 гг. по мнению 10 российских экспертов, опрошенных автором в августе 2022 г.

Источник: Данные опроса, проведенного автором.

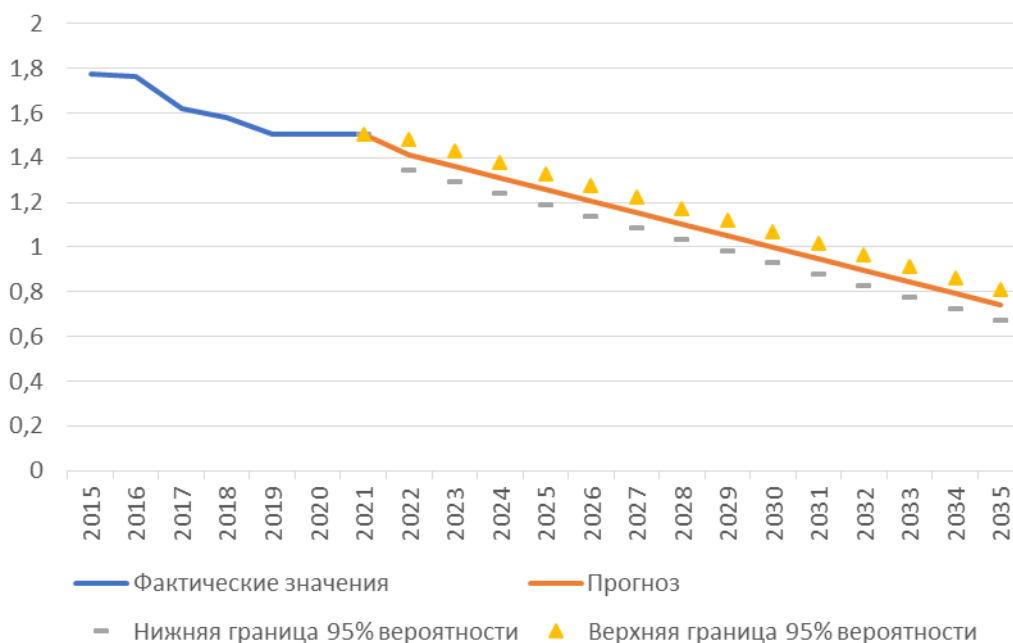
Пессимизм демографов подкрепляется пессимистичными прогнозами многих серьезных экономистов, которым есть основания доверять больше, чем повышенному оптимизму других. Даже если удастся удержать в номинальном выражении уже имеющуюся систему финансово-экономической поддержки российских семей, едва ли можно предполагать, что она будет способна оказать стимулирующее влияние на рождаемость в ситуации всеобъемлющего кризиса.

Приведем также результаты прогнозирования на основе экспоненциального сглаживания – весьма распространенного метода, встроенного в виде стандартной функции в программу MS Excel. Продолжение тенденции, наметившейся после 2015 г., даже при условии трехлетней стагнации КСР на уровне 1,5 в 2019-2021 гг. (метод придает более высокие веса наиболее актуальным значениям) приводит к быстрому спаду показателя, и к 2025-2026 гг. КСР может достигнуть 1,2 (рисунок 5), что соответствует интуитивным представлениям половины опрошенных экспертов. Снижение к еще более низким значениям показателя, как это предсказывает модель, кажется маловероятным. Хотя в мире уже имеется опыт, когда КСР опускался в отдельные годы до 0,8 и даже ниже на восточных землях Германии, в целом ряде провинций Италии, в странах Юго-Восточной Азии, да и в российских городах.

В то же время ни один из статистико-математических методов не способен предсказать компенсаторный рост КСР, возвращающий нормальные темпы формирования семей, и неизбежность которого предсказывается историческим опытом. Поэтому при

моделировании процесса возвратного, послекризисного изменения КСР приходится обращаться к аналогам в прошлом, которые неплохо документированы для многих стран, не исключая и Россию.

Рисунок 5. Прогноз КСР методом экспоненциального сглаживания, основанный на динамике значений показателя в 2015-2021 гг.

Источник: Расчеты автора.

Итак, снижение КСР в 2022-2025 гг. (по мнению ряда экспертов, до 2027 г.) – наиболее вероятная перспектива. За этим спадом последует возврат на уровень 1,5-1,7 рождений, приводящий этот конъюнктурный показатель в соответствие с ожидаемой величиной итоговой рождаемости реальных поколений. Длительность периода компенсаторного роста (и скорость этого роста) может быть разной, что и нашло отражение в разнообразии траекторий, предложенных экспертами.

В действительности мы сегодня плохо представляем ту идеальную количественную модель семьи и рождаемости, которая станет преобладающей у будущих поколений. Но что мы уже знаем наверняка, так это то, что в своем демографическом поведении человек в минимальной степени будет опираться на «традиционные ценности» прошлых, допереходных эпох. При принятии решений о рождении детей он будет руководствоваться собственными представлениями об иерархии жизненных ценностей, среди которых материалистические ценности не будут играть доминирующую роль. Отсюда следует ограниченность государства в возможности влиять на количественные параметры рождаемости посредством целенаправленной политики монетаристского толка. Очевидно также, что «настраивать» свой календарь демографических событий в ответ на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств индивид будет гораздо более эффективнее, чем когда-либо прежде в истории. И опорой тому – бурное развитие высоких технологий планирования семьи и репродукции, которые становятся доступными на массовом уровне и которые не сводятся к контрацептивной защите, а позволяют индивиду свободно распределять репродуктивные события во времени в зависимости от личных предпочтений. Социологическое изучение этих личных представлений методами опросов

общественного мнения (Чурилова, Захаров 2019; ВЦИОМ 2021; Виноградова 2023) или качественными методами (Ярская-Смирнова 2010; Чернова 2011; Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2014) не дают пока оснований ожидать в обозримом будущем существенных сдвигов в модели российской рождаемости в направлении преобладающей одноплодности или даже бесплодности, о чем настойчиво предупреждают алармисты, также минимальны шансы надеяться на всеобщую многоплодность, которую желают видеть оптимистичные проводники идеи государственной политики стимулирования рождаемости.

Благодарности

Автор бесконечно признателен **А.Г. Вишневскому** за то, что он по сути инициировал данное направление исследований, поделился своими историческими рядами чисел рождений для России в имперский период, за его чуть ли не ежедневную поддержку и помощь в научных и житейских делах на протяжении четырех десятилетий, Е.М. Андрееву за представленные им полные данные ежегодных оценок численности населения по возрасту и полу, возрастной и суммарной рождаемости, выполненные в рамках проектов Отделения демографии НИИ статистики Госкомстата России по восстановлению демографической динамики в СССР и России (Андреев, Дарский, Харькова 1990; 1993; 1998), а также за предоставление уникальных архивных материалов выборочных обследований рождаемости ЦСУ СССР, за методологические консультации, за безотказную и своевременную помощь в решении проблемных вопросов анализа данных. Автор также сердечно благодарит С.Ю. Никитину (Росстат) за многолетнее сотрудничество в рамках многих проектов и помощь в получении необходимых, в том числе архивных, статистических данных, всех своих друзей и коллег по Институту социологических исследований АН СССР, Институту социально-экономических проблем народонаселения АН СССР и ГИИ СССР, Центру демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институту демографии НИУ ВШЭ за обсуждение результатов моих исследований на всех этапах непрерывной работы, помощь в получении информации, за дружеское участие и поддержку: С.В. Адамца, В.Н. Архангельского, Д.Д. Богоявленского, С.А. Васина, М.Б. Денисенко, Е.И. Долгих, **Ж.А. Зайончковскую**, Е.И. Иванову, К.И. Казенина, Л.Б. Карачурину, Е.А. Квашу, В.А. Козлова, В.С. Магуна, М.Ю. Межевову, Е.С. Митрофанову, Н.В. Мкртчян, **А.А. Попова**, Б.А. Ревича, К.В. Решетникова, В.И. Сакевич, **Е.Л. Сороко**, М.С. Тольца, Т.Л. Харьков, Е.В. Чурилову, В.М. Школьникову, моих давних коллег и друзей по совместным проектам А.А. Авдеева, С.Ф. Иванова, В. Кингкейда, М. Ривкин-Фиш, В.В. Червякова, **Т. Фрейку** и многих других коллег из Франции, Германии, США, Японии, Великобритании, Бельгии, которые на разных этапах участвовали в обсуждении результатов моего исследования. Особое слово благодарности моему постоянному коллеге по историко-демографическим исследованиям российских проблем, высокопрофессиональному советчику и большому другу Аллену Блюму, и, конечно, моей любимой жене, другу и коллеге Г.В. Рахмановой за всё и вся.

Литература

- Андреев Е.М. (2016). Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России. *Мир России: Социология, этнология*, 25(2), 68-97.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1990). *История населения СССР 1920-1959 гг.* (Серия: «История статистики». Вып. 3-5. Ч. I). Москва: Информцентр Госкомстата СССР.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1993). *Население Советского Союза: 1922-1991*. Москва: Наука.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1998). *Демографическая история России: 1927-1959*. Москва: Информатика.
- Андреев Е.М., Захаров С.В. (2017). Микроперепись - 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. *Демоскоп-Weekly*, 711-712 <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/demoscope711.pdf>
- Архангельский В.Н. (2006). *Факторы рождаемости*. Москва: ТЕИС, 2006.
- Архангельский В.Н. (2020). Возможности использования показателей для реальных поколений при оценке динамики рождаемости. *Human Progress*, 8(2), 1-16. <https://doi.org/10.34709/IM.182.4>
- Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. (2019). Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии. *Народонаселение*, 22(1), 21-39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002>
- Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. (1988). Современные проблемы и перспективы рождаемости. В А.Г. Волков (Ред.), *Методология демографического прогноза* (с. 41-77). Москва: Наука.
- Бондарская Г.А. (1999). Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет. *Мир России*, 8(4), 58-70.
- Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2014). «Чтобы выдрать клок, надо приложить максимум усилий». Семейная политика поддержки материнства: как ею воспользоваться? В М. Пугачева, В. Жаркова (Ред.), *Пути России. Новые языки социального описания* (с. 280-294). Москва: Новое литературное обозрение.
- Блюм А., Захаров С. (1997). Демографическая история СССР и России в зеркале поколений. *Население и Общество*, 17 (февраль 1997).
- Борисов В.А. (1976). *Перспективы рождаемости*. Москва: Статистика.
- Виноградова Е. (2023). Как за пять лет изменилось желание россиянок иметь детей. *РБК*, 23 марта. <https://www.rbc.ru/economics/23/03/2023/641985c39a794773887481bd>
- Вишневский А.Г. (1977). Ранние этапы становления современного типа рождаемости в России. В А.Г. Вишневский (Ред.), *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР* (с. 105-134). Москва: Статистика.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (1992). *Эволюция семьи и семейная политика в СССР*. Москва: Наука, 1992.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (1999). *Население России 1998: шестой ежегодный демографический доклад*. Москва: Центр демографии и экологии ИНП РАН.

- Вишневский А.Г. (Ред.) (2004). *Население России 2002: десятый ежегодный демографический доклад*. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2007). *Население России 2005: тринадцатый ежегодный демографический доклад*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вишневский А.Г., Волков А.Г. (Ред.) (1983). *Воспроизводство населения СССР*. Москва: Финансы и статистика.
- Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б., Гречуха В.А., Донец Н.В. (1988). Новейшие тенденции рождаемости в СССР. *Социологические исследования*, 3.
- Вишневский А.Г., Сакевич В.И., Денисов Б.П. (2016). Запрет аборта: освежите вашу память. *Демоскоп-Weekly*, 707-708. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema04.php>
- Вишневский А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. (2017). Контрацептивная революция в России. *Демографическое обозрение*, 4(1), 6-34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6986>
- Вишневский А.Г., Тольц М.С. (1988). Эволюция брачности и рождаемости в советский период. В Л.Л. Рыбаковский (Ред.), *Население СССР за 70 лет* (с.с. 75-114). Москва, Наука.
- ВЦИОМ (2021). Семья и дети: установки и реалии. Аналитический обзор. (2 декабря 2021 г.). <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii>
- Гришина О.В. (2008). Репродуктивное поведение родителей и их детей в России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 6, 29-41.
- Гришина О.В. (2009). Демографическое поведение поколений в России в послевоенных период. (Автореф. дисс. канд. эк. наук). М.: Экономический факультет МГУ.
- Гундаров И.А. (2001). *Демографическая катастрофа в России: причины, механизм и пути его преодоления*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Дарский Л.Е. (1972). *Формирование семьи*. Демографо-статистическое исследование. Москва: Статистика.
- Денисенко М. (2008). Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х годов: оценки потерь и проблемы изучения. В М.Б. Денисенко, И.А. Троицкая (Ред.), *Историческая демография*. («Демографические исследования». Вып. 14) (с.с. 106-142). Москва: МАКС Пресс.
- Захаров С.В. (1991). Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий. В А.Г. Вишневский (Ред.), *Демография и Социология. Семья и семейная политика*. Вып.1 (с.с. 87-102). Москва: Институт социально-экономических исследований народонаселения.
- Захаров С.В. (2002). Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. В *Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России*. Научная конференция. Москва, 27-28 февраля 2002 года. Тезисы докладов. (с.с. 19-26). Москва: ЦДЭЧ ИНП РАН; Институт этнологии и антропологии РАН. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_sod.html

- Захаров С.В. (2003). Демографический переход и воспроизводство поколений в России. *Вопросы статистики*, 11, 3-12.
- Захаров С.В. (2005). Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход. *Отечественные записки*, 24(3), 124-140.
http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_7.html
- Захаров С.В. (2006a) Итоговая рождаемость реальных и условных поколений. В А.Г. Вишневский (Ред.), *Демографическая модернизация России, 1900-2000* (с. 153-175). Москва: Новое издательство.
- Захаров С.В. (2006b). Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. *SPERO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры*, 5, 33-69.
- Захаров С.В. (2007a). Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее. В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. Сб. аналитических статей. Вып. 1 (с. 9-34). Москва: НИСП. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/socpol_v1.html
- Захаров С.В. (2007b). Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России 1980-х гг. В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. Сб. аналитических статей. Вып. 1 (с. 267-312). Москва: НИСП. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/socpol_v1.html
- Захаров С.В. (Ред.) (2018). Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Захаров С.В. (2019). Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях. *Списание населения/Naselenie Review* (Bulgarian Academy of Sciences), 3(1), 209-243. <https://nasselenie-review.org>
- Захаров С., Ревич Б. (1992). *Младенческая смертность в России: исторический и региональный аспект*. (Рабочие доклады Центра демографии и экологии человека. Вып. 7). Москва: ИПЗ РАН и Минтруда РФ.
- Захаров С.В., Сакевич В.И. (2007). Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. Сб. аналитических статей. Вып. 1 (с. 127-170). Москва: НИСП.
http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/socpol_v1.html
- Исупов В.А. (2000). *Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века*. Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кваша А.Я. (1971). Этапы демографического развития СССР. В А.Г. Волков (Ред.), *Факторы рождаемости* (с.77-87). Москва: Статистика.
- Накачи М. (2022). Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах. *Демографическое обозрение*, 9(1), 34-55.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572>
- Осипов Г.В. (2000). Социальное мифотворчество и социальная практика. Москва: Наука.

- Садвокасова Е.А. (1969). *Социально-гигиенические аспекты регулирования семьи*. Москва: Издательство «Медицина».
- Сифман Р.И. (1970). Динамика плодovitости когорт женщин в СССР (по данным выборочного исследования). В А.Г. Волков, Л.Е. Дарский, А.Я. Кваша (Ред.), *Вопросы демографии (исследования, проблемы, методы)* (сс.136 – 159). Москва: Статистика.
- Сифман Р.И. (Ред.) (1972). *Демография поколений*. Сб. перев. ст. (Серия: «Новое в зарубежной демографии»). Москва: Статистика.
- Сифман Р.И. (1974). *Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований)*. М.: Статистика.
- Соботка Т., Луц В. (2011). Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования? *Экономический журнал ВШЭ*, 15 (4), 444-471.
- Стешенко В.С. (1966). Опыт применения метода когорт в изучении рождаемости на Украине в послевоенный период. В А.Г Волков (Ред.), *Проблемы демографической статистики*. (Ученые записки по статистике АН СССР. Т. 10) (сс. 105-127). Москва: Наука.
- Фрейка Т., Захаров С.В. (2014). Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 1(1), 106–143.
- Хорев Б.С. (1998). *Современная демографическая ситуация в России и ее оценка. О государственном геноциде в России*. Материалы круглого стола «Кризис нации» при председателях комитетов по обороне и безопасности Государственной Думы РФ. Москва.
- Хорев Б.С. (2002). Концепция повышения рождаемости. В Б.С. Хорев, Л.В. Иванкова (Ред.), *Общие и региональные проблемы депопуляции и прогнозная оценка на первую половину XXI века* (сс. 3-9). («Население и кризисы». Вып. 8). М.: МАКС Пресс.
- Хорев Б.С. (Ред.) (1997). *В чем острота демографической проблемы в России?* М.: Диалог-МГУ.
- Хорев Б.С., Данилова И.А., Иванкова Л.В. (Ред.) (2001). *Депопуляция и будущее России. О национальном вопросе в России*. (Сер.: Население и кризисы. Вып. 7). М.: МАКС Пресс.
- Урланис Б.Ц. (1963). *Рождаемость и продолжительность жизни в СССР*. Москва: Гостатиздат.
- Чернова Ж.В. (2011). Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности. *Женщина в российском обществе*, 3, 44-51.
- Чурилова Е.В., Захаров С.В. (2019). Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 3-4, 69-89.
- Ярская-Смирнова Я.Р. (2010). «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики. *Женщина в российском обществе*, 2, 14-25.
- Adametz S., Blum A., Zakharov S. (1994). Disparités et variabilités des catastrophes démographiques en URSS. *Dossiers et Recherches*, 42 (Janvier 1994). Paris: INED.

- Andreev E., Jasilioniene A., Grigorieva O., Danilova I. (2020). Human Fertility Database Documentation: Russia. Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock (Germany).
<https://www.humanfertility.org/File/GetDocumentFree/Docs/RUS/RUScom.pd>
- Blum A., Ely M., Zakharov S. (1992) Démographie soviétique 1920-1950, une redécouverte. *Annales de Demographie Historique*. Paris: E.H.E.S.S., 7-22.
- Blum A., Berelowitch V., Mouradian C., Zakharov S. (1995). *Atlas démographique et historique de la Russie*. Rapport de synthèse dans le cadre d'un projet. Paris: L'EHESS - INED.
- Chernova Zh. (2012). New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 1(1), 75-92.
- Darsky L.E. (1994). Quantum and Timing of Births in the USSR. In W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov (Eds.), *Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991* (pp. 57-69). London, New York: Routledge, IIASA.
- UN (1983). *Indirect Techniques for Demographic Estimations*. Manual X. United Nations. Department of International Economic and Social Affairs. Population Division, National Research Council (U.S.). Committee on Population and Demography. New York: United Nations.
- Ivanov S., Vishnevsky A., Zakharov S. (2006). Population Policy in Russia. In G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch (Eds.), *Demography: Analysis and Synthesis* (Chapter 118) (pp. 407-433): Elsevier Inc. Academic Press.
- Frejka T., Zakharov S. (2012). Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century *MPIDR Working Paper*, WP 2012-027.
<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf>
- Frejka T., Zakharov S. (2013). The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy *Population and Development Review*, 39(4), 635-647.
- Selezneva E. (2018). Population Policies in Soviet and Modern Russia. In T. Karabchuk, K. Kumo, E. Selezneva, *Demography of Russia. From the Past to the Present*. Palgrave Macmillan. (Chapter 3), 63-113.
- Knorre B. (2018). Religion and the Russian Orthodox Church. In I. Studin (Ed.), *Russia: Strategy, Policy, Administration* (Chapter 10) (pp. 105-112). Palgrave Macmillan.
- Lesthaeghe R. (1991). *The second demographic transition in Western countries – an interpretation*. Interuniversity Programme in Demography, IPD-Working Paper 1991-2. Brussels: Vrije Universiteit.
- Lesthaeghe R. (2014). The second demographic transition: A concise overview of its development. *Social Sciences*, 111(51), 18112-18115.
<https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>
- Lesthaeghe R. (2020). The second demographic transition, 1986–2020: sub-replacement fertility and rising cohabitation—a global update. *Genus*, 76 (Article 10).
- Lutz W., Skirbekk V., Testa M. R. (2006). The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe. *Vienna Yearbook of Population Research*, 4, 167–192. <http://www.jstor.org/stable/23025482>

- Rele J.R. (1967). *Fertility Analysis Through Extension of Stable Population Concepts*. Institute of International Studies, Population Monograph Series, No. 2. Berkeley: University of California.
- Scherbov S., VanVianen H.A.W. (1999a). Marital and fertility careers of Russian women born between 1910 and 1935. *Population and Development Review*, 25(1), 129–143.
- Scherbov S., Van Vianen H.A.W. (1999b). *The fertility transition in Russia: women born between 1900 and 1960*. Population Research Centre, Working Paper 99-1. Groningen.
- Scherbov S., VanVianen H.A.W. (2001). Marriage and Fertility in Russia of Women Born between 1900 and 1960: A Cohort Analysis. *European Journal of Population*, 17(3), 281-294.
- Vichnievski A. (1992). Évolution du nombre des naissances dans la Russie prérévolutionnaire (1840-1913). In A. Blum, N. Bonneuil, D. Blanchet (Eds.), *Modèles de la démographie historique*. INED Congrès et Colloques, No. 11 (pp. 61-74). Paris: Press Universitaires de France.
- Zakharov S. (1992). La Transition démographique en Russie et l'évolution des disparités démographiques régionales. In A. Blum, N. Bonneuil, D. Blanchet (Eds.), *Modèles de la démographie historique*. INED Congrès et Colloques, No. 11 (pp. 353-370). Paris: Press Universitaires de France.
- Zakharov S. (1994). Changes in Spatial Variation of Demographic Indicators in Russia. In W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov (Eds.), *Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991* (pp. 113-130). London, New York: Routledge, IIASA.
- Zakharov S. (1996). The Second World War as a turning point of infant mortality decline in Russia. In G. Masuy-Stroobant, C. Gourbin et P. Buekens (Eds.), *Santé et mortalité des enfants en Europe: Inégalités sociales d'hier et d'aujourd'hui*. (Chaire Quetelet 1994. Institut de Démographie, Université Catholique de Louvain) (pp. 311-333). Louvain-la Neuve: Académia-Bruylant/L'Harmattan.
- Zakharov S. (1999). Fertility, Nuptiality, and Family Planning in Russia: Problems and Prospects. In G.J. Demko, G. Ioffe, Zh. Zaionchkovskaya (Eds.), *Population under Duress: the Geodemography of post-Soviet Russia* (pp. 41-58). Boulder-Oxford: Westview Press.
- Zakharov S.V. (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19 (Article 24, 907-972).
- Zakharov S. (2016). The modest demographic results of pronatalist policy against the background of the long-term evolution of fertility in Russia. *Demographic Review. English Selection*, 4-46.
- Zakharov S. (2018). Family Policy. In I. Studin (Ed.), *Russia: Strategy, Policy, Administration* (Chapter 28) (pp. 319-330). Palgrave Macmillan.
- Zakharov S.V., Ivanova E.I. (1996). Fertility Decline and Recent Changes in Russia: On the Threshold of the Second Demographic Transition. In J. DaVanzo (Ed.), *Russia's Demographic "Crisis"* (pp. 36-82). Santa Monica (CA): RAND.

Приложения

Приложение 1. Источники данных и методы получения непрерывных рядов оценок показателей итоговой рождаемости реальных и условных поколений.

Ряд коэффициентов итоговой рождаемости для условных поколений (КСР) сформирован на основе:

- опубликованных и неопубликованных оценок, выполненных коллективом Отделения демографии НИИ Госкомстата СССР/РФ в 1990-х годах в рамках специального проекта по реконструкции демографических процессов в СССР и России в XX веке (Андреев, Дарский, Харькова 1990; 1993; 1998) и в полном объеме любезно предоставленных авторами;
- для отдельных периодов (Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн) нами были выполнены собственные оценки, основанные на имеющихся архивных данных о числе рождений, официальных и авторских оценках общих коэффициентов рождаемости по отдельным группам территорий, имеющим регистрацию демографических событий (в том числе были приняты во внимание известные оценки, выполненные А.Я. Боярским, Р.И. Сифман, Б.Ц. Урланисом);
- мы использовали набор реперных точек на моменты переписей населения, для которых значения КСР могли быть проконтролированы разными способами: а) отталкиваясь от соотношений возрастных групп «дети/матери» – методы Реле, Браса (Rele 1967; UN 1983), реализованные в пакете прикладных программ для демографических расчетов MORTPAK (Отдел народонаселения ООН); б) с использованием регрессионных уравнений, связывающих индексы рождаемости Э. Коула с КСР (Zakharov 1994). Ежегодные оценки КСР между реперными точками оценивались нами на основе темпов роста ежегодных чисел рождений/общих коэффициентов рождаемости, полученных независимо (см. далее);
- с целью получения непротиворечивых взаимосвязей в некоторых случаях нам приходилось гармонизировать оценки КСР, полученные сотрудниками НИИ Госкомстата, с нашими собственными оценками КСР для военных лет и нашими оценками итоговой рождаемости для реальных поколений, полученных независимо;
- с 1970 г. по настоящее время автор использовал данные HFD и делал собственные расчеты, основанные на прямых данных Росстата.

Ряд коэффициентов итоговой рождаемости для реальных поколений женщин, родившихся до 1930 г., сформирован следующим образом:

- исходными данными послужили наши оценки непрерывного ряда ежегодных чисел рождений, полученные в 1990-х годах в рамках совместных проектов с коллегами из французского Национального института демографических исследований (L'Institut national d'études démographiques, INED) (Blum, Ely, Zakharov 1992; Adametz, Blum, Zakharov 1994; Blum et al. 1995);
- в оценках ежегодных чисел рождений были использованы данные для Имперского периода России, собранные и проанализированные А.Г. Вишневым (Vichnievski 1992), оценки для советского периода коллектива

Отделения демографии НИИ Госкомстата СССР/РФ (Андреев, Дарский, Харькова 1990; 1993; 1998), собственные оценки, полученные на основе специальным образом гармонизированных полных данных переписей населения 1897, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 г. (для гармонизации были использованы модели межпереписных функций дожития (Adametz, Blum, Zakharov 1994));

- на основе отношений чисел рождений у «поколений родителей» и у «поколений детей», разделенных числом лет, условно принимаемых за длину поколения (проводили итерационные эксперименты с различными лагами числа лет в интервале от 28 до 32), нами были получены оценки нетто-коэффициента замещения поколений (Блум, Захаров 1997; Захаров 2003);
- независимо нами был реконструирован исторический ряд коэффициентов младенческой смертности (Захаров, Ревич 1992; Zakharov 1996), которые были трансформированы в исторический ряд вероятностей дожития женщины до среднего возраста материнства на основе регрессионной модели, использующей эмпирический факт низкой исторической изменчивости вклада младенческой смертности в вероятность дожития женщин до среднего возраста материнства (Zakharov 1996);
- показатели итоговой рождаемости реальных поколений были получены из оценок нетто-коэффициентов замещения поколений и оценок коэффициента младенческой смертности для этих поколений;
- финальные оценки были получены в рамках процедуры гармонизации с полученными параллельно оценками возрастных коэффициентов рождаемости для реальных поколений и независимо полученными оценками для условных поколений (см. выше); в данной процедуре были также задействованы оценки итоговой и возрастной рождаемости поколений на основе выборочного исследования ЦСУ СССР 1960 г. (Сифман 1974) и пяти последующих, полные данные опросов о числе рожденных детей в рамках переписей населения 1979 и 1989 г., микропереписей населения 1985 и 1994 г.

Ряд коэффициентов итоговой рождаемости для реальных поколений женщин, родившихся с 1930 по 1963 г., сформирован на основе:

- результатов переписей населения 1979 и 1989 г. (ответов женщин на вопрос о числе рожденных детей в разрезе однолетних возрастных групп) и расчетов коэффициентов рождаемости для однолетних групп на основе исходных данных Росстата;
- переход от возрастных коэффициентов в когортные (получение горизонтальных параллелограммов на сетке Лексиса) производили по самой простой схеме усреднения коэффициентов для соседних возрастных групп без внесения каких-либо поправок.

Ряд коэффициентов итоговой рождаемости для реальных поколений женщин, родившихся с 1964 г. и позднее, сформирован на основе:

- расчетов возрастных коэффициентов рождаемости, трансформированных в когортные (см. выше) на основе исходных данных Росстата;
- для цензурированных «справа» поколений, которые в силу своего возраста еще не завершили деторождение к моменту наблюдения (к моменту

актуализации на основе данных Росстата за последний имеющийся год), ожидаемая величина итоговой рождаемости получена как сумма двух компонент: фактически накопленной рождаемости к моменту наблюдения и ожидаемой при условии неизменности возрастных коэффициентов рождаемости, зафиксированных в последний наблюдаемый год (за 2021 г. для показателей, представленных в статье и ниже в Приложении 2).

Наши оценки рождаемости реальных поколений, представленные в Приложении 2, могут незначительно отличаться от оценок для России, содержащихся в международной базе HFD (в первую очередь для женщин 1944-1963 г.р.) в силу несколько иной технологии их получения. В нашем подходе большее значение имеют данные переписей населения 1979 и 1989 г., а также мы использовали упрощенные процедуры преобразования возрастных показателей в когортные.

Приложение 2. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России: женские поколения 1841-1991 годов рождения, календарные годы - 1896-2021, рождений на одну женщину к возрасту 50 лет

Реальные поколения		Условные поколения	
Год рождения женщин		Календарный год	
1841	6,81	1871	...
1842	6,84	1872	...
1843	6,79	1873	...
1844	6,85	1874	...
1845	6,90	1875	...
1846	6,89	1876	...
1847	6,89	1877	...
1848	6,86	1878	...
1849	6,88	1879	...
1850	6,96	1880	...
1851	7,03	1881	...
1852	7,03	1882	...
1853	7,08	1883	...
1854	7,13	1884	...
1855	7,12	1885	...
1856	7,16	1886	...
1857	7,09	1887	...
1858	7,09	1888	...
1859	7,10	1889	...
1860	7,11	1890	...
1861	7,13	1891	...
1862	7,09	1892	...
1863	7,10	1893	...
1864	7,10	1894	...
1865	7,15	1895	...
1866	7,15	1896	...
1867	7,16	1897	7,50
1868	7,22	1898	7,28
1869	7,24	1899	7,37
1870	7,22	1900	7,37
1871	6,96	1901	7,15
1872	6,94	1902	7,33
1873	6,98	1903	7,18

Реальные поколения		Условные поколения	
Год рождения женщин		Календарный год	
1874	6,97	1904	7,25
1875	6,97	1905	6,71
1876	6,95	1906	7,01
1877	6,97	1907	7,07
1878	6,89	1908	7,45
1879	6,80	1909	7,12
1880	6,64	1910	7,20
1881	6,60	1911	7,21
1882	6,44	1912	7,03
1883	6,20	1913	6,97
1884	5,93	1914	6,90
1885	5,81	1915	3,41
1886	5,65	1916	5,19
1887	5,55	1917	5,05
1888	5,42	1918	5,71
1889	5,40	1919	3,49
1890	5,45	1920	6,69
1891	5,51	1921	4,71
1892	5,53	1922	6,03
1893	5,53	1923	6,51
1894	5,50	1924	6,73
1895	5,46	1925	6,80
1896	5,39	1926	6,73
1897	5,35	1927	6,65
1898	5,23	1928	6,53
1899	5,14	1929	6,20
1900	5,04	1930	5,78
1901	4,89	1931	5,61
1902	4,73	1932	5,04
1903	4,59	1933	4,07
1904	4,45	1934	3,59
1905	4,28	1935	4,26
1906	4,07	1936	4,55
1907	3,88	1937	5,05
1908	3,70	1938	4,99
1909	3,46	1939	4,88
1910	3,21	1940	4,25
1911	3,01	1941	4,63
1912	2,88	1942	2,98
1913	2,81	1943	1,72
1914	2,73	1944	1,75
1915	2,66	1945	1,91
1916	2,59	1946	2,81
1917	2,53	1947	2,94
1918	2,46	1948	2,61
1919	2,40	1949	3,20
1920	2,33	1950	2,89
1921	2,27	1951	2,92
1922	2,26	1952	2,87
1923	2,25	1953	2,74
1924	2,24	1954	2,96
1925	2,23	1955	2,83
1926	2,22	1956	2,71
1927	2,21	1957	2,74
1928	2,21	1958	2,69

Реальные поколения		Условные поколения	
Год рождения женщин		Календарный год	
1929	2,20	1959	2,63
1930	2,18	1960	2,58
1931	2,15	1961	2,54
1932	2,16	1962	2,42
1933	2,14	1963	2,31
1934	2,13	1964	2,22
1935	2,10	1965	2,14
1936	2,06	1966	2,12
1937	1,97	1967	2,07
1938	1,97	1968	2,00
1939	1,96	1969	1,97
1940	1,97	1970	2,00
1941	1,93	1971	2,03
1942	1,95	1972	2,03
1943	1,90	1973	1,96
1944	1,83	1974	2,00
1945	1,80	1975	1,97
1946	1,81	1976	1,96
1947	1,81	1977	1,92
1948	1,82	1978	1,90
1949	1,87	1979	1,87
1950	1,87	1980	1,87
1951	1,89	1981	1,88
1952	1,89	1982	1,96
1953	1,88	1983	2,09
1954	1,90	1984	2,05
1955	1,89	1985	2,05
1956	1,88	1986	2,18
1957	1,87	1987	2,23
1958	1,87	1988	2,14
1959	1,87	1989	2,02
1960	1,84	1990	1,89
1961	1,80	1991	1,73
1962	1,76	1992	1,55
1963	1,72	1993	1,37
1964	1,69	1994	1,39
1965	1,67	1995	1,34
1966	1,66	1996	1,27
1967	1,63	1997	1,22
1968	1,62	1998	1,23
1969	1,62	1999	1,16
1970	1,60	2000	1,20
1971	1,59	2001	1,22
1972	1,58	2002	1,28
1973	1,59	2003	1,32
1974	1,61	2004	1,34
1975	1,62	2005	1,29
1976	1,64	2006	1,30
1977	1,66	2007	1,42
1978	1,68	2008	1,50
1979	1,68	2009	1,54
1980	1,68	2010	1,57
1981	1,71*	2011	1,58
1982	1,75*	2012	1,69
1983	1,77*	2013	1,71

Реальные поколения		Условные поколения	
Год рождения женщин		Календарный год	
1984	1,76*	2014	1,75
1985	1,74*	2015	1,78
1986	1,77*	2016	1,76
1987	1,78*	2017	1,62
1988	1,74*	2018	1,58
1989	1,69*	2019	1,50
1990	1,66*	2020	1,50
1991	1,65*	2021	1,50

*Примечание: * – Предварительная экстраполяционная оценка с учетом данных о рождениях вплоть до 2021 г. включительно. Поскольку тенденция постарения возрастного профиля и рост коэффициентов рождаемости в старших возрастах, вероятнее всего, сохранится в ближайшие десятилетия, то когорты 1985-1991 г., находившиеся к 2022 г. в тридцатилетних (т. е. репродуктивных) возрастах, еще имеют шансы к своим 50 годам слегка поднять наши оценки, базирующиеся на текущей ситуации. Однако эти потенциальные добавки едва ли превысят 0,05 для данных когорт.*